

ЮРИЙ ТАРНОПОЛЬСКИЙ

YURI TARNOPOLSKY

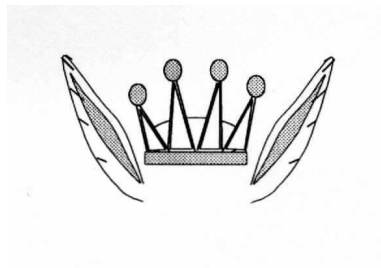
...СРОКИ ДАВНОСТИ...

Statutes of limitations...
(in Russian)

Стихи 1971-1984
Ленинград - Красноярск - Харьков-Чита

Poems 1971-1984
Leningrad-Krasnoyarsk-Kharkov-Chita

Содержание

Сосновая Поляна	3
Комплекс Мидаса	29
Парадокс Рассела	52
Каденции	87
Тысяча невозможниц.....	118
Данайские дары.....	154
На квадратных колесах.....	186
Стихи отказа.....	205

СОСНОВАЯ ПОЛЯНА

* * *

И все-таки мы молимся
На молодость, на молодость
И смотрим эгоистами
На все, что золотистое,
На все, что шоколадное.
А гладкое, прохладное
И нежное и влажное
Для нас важнее важного.

* * *

Идет Крамола, и Крамолу
Не удавить.
Ее собакой в поле голом
Не затравить.

Сочится в вены и сквозь стены
Или в журнал.
Ее не выжжет ни застенок,
Ни трибунал.

Но переменятся все роли,
И новый хам
Помчится на лихой Крамоле
В храм.

Мойка, 12

— Песни — дело ваше.
Наше дело — вешать.
Раз уж вы, поэты,
И в петле поете,
Сами виноваты,
Что на вас наветы.
Мы — отчизны сила,
Мы — отчизны сало.
Что же вы красиво
Нас не описали?

Лавра

Это Петербург.
Мрамор урн.
Камень скульптур.
Чугун.
Длиннейшие надписи — предтечи:
В них надо
Видеть наши праречи
И прадоклады.
Но и встарь случался норов:
«Здесь лежит Суворов.»

* * *

Осенью больна
Молодая липа.
Видно, желтизна
Так и не отлипнет.

Со стола убрать
Не доходят руки
Красный оченьрад,
Белое анука.

Всё не соберусь
Привезти из сада
Всякую всегрусть,
Вское ненадо.

* * *

Времена, времена . . .
Гаснут пылкие.
Со дна, со дна
Всплывают мылкие.
Времена твердолобых,
Не твердокованных,
Не долгожданных
В наших сугробах
Обетованных.

* * *

Когда откопают
Русские Помпеи
Из пепла вранья
И выставят в музее
Трофеи
И публика хлынет в двери,
Возбужденно урча —
Кто поверит,
Что мы были люди,
А не саранча?

Царскосельские парки

Были все березкие,
Липкие и клёнкие,
Стали парки желтые,
Жёлтые и жолтые.
Небо низко-низкое,
Боли близко-близкие,
Тучи низкой грудью
Дразнят обелиски.
Весело тоскуется,
Исподлобья любится.
До весны ль расколото
Золотое блюдце?

Электричка

Для кого-то отзвенели,
Для меня еще звенят
Годы, что давно истлели
В склепе трех координат.
Сквозь тоннели октябррей
Повторяет цепь вагонов
Траекторию царей.
Чью-то я задел корону:
Звон раздался грозно-слаб.
А иначе почему же
Я почувал, вольный раб,
В сердце ненависть и ужас?

Исаакий

Здесь явно зрим роскошный и суровый
Рим, которого случили с коровой Византией,
и Минотавр воздвиг алтарь в России.
Русский лабиринт от века к веку гуще. Ну и что?
Жизнь в сущности легка для человека.
Сверши свой спринт до тупика. Ведь где-то
есть всеобщий план и он кому-то ясен.
Прекрасен Исаакий. Беги пока секундомер
вторично не нажала смерть. А приз?
Пустой вопрос: нажмут на сброс.

* * *

Времена упрощенных измен,
Времена запрещенных имен,
Времена без перемен,
Времена без времен,
Времена — клеймен —
Времена — кто умен,
Времен размен
Взамен времен . . .
Капли, проточите камень!

* * *

Клыкаста правящая каста,
Раскормленная мясом масс,
И верховод ее мордаст
И добровольно не отдаст
Недослюнявленную власть,
Как недососанную сласть.
И все как было при царях:
Над лапотно-ракетно-древней
Россией веет старый страх
И новь потемкинской деревни.

Лицей

И вот отрыли здесь музей,
И видит каждый ротозей,
Как царь хотел разумной власти
И как любил лицей.

И что за гадкого птенца
Пригрели под крылом дворца:
Ему отцом был император,
А он клевал отца.

Нрав нынче, слава Богу, крут:
Поэты корм из рук берут.

Павловск

Облаков прогнулся нижний ярус,
Оседают листьев медный ил . . .
Ты ли это, мой святой Солярис,
На твои ли зыби я ступил?

То в телах разгоряченных граций,
То в кентаврах Океан застыл . . .
Ах, как просто до тебя добратся
Через ноздреватые мосты!

Мягко обогреты анфилады
Моложавой каменной души,
Штемпелями памяти об аде
Каждый зал прострелен и прошит.

Но ведь не бывает воскресений,
Это явь земная, не мираж:
И дворец, и парк до слез осенний
Вечные. Никто не умирал!

Разве только печи и камины
Выдают, что был второй творец:
Даже малой чурочке осины
Не принять в них огненный венец.

* * *

Одиночества гуще окись:
Мнится разная
Кареекость.

Кисть руки звездой
Пятипалой
К пиале как будто
Припала.

Словно что в ладонь
Жалить начало,
Руки стигмами
Обозначило.

В Москву

Остается Ленинград
За капустными полями.
Побуревшие поляны —
Скверов пасмурней стократ,
А березовые рощи
Парков ласканных попроще.
Одиночные стожки,
Придорожные болотца,

Осторожные стежки
Робких тропок где придется.
Ели! Весело живете:
Каждый пальчик на отлете.

Небо чище, выше сосны,
Дали дальше. Вот и Тосно.

* * *

Где наш яблочный румянец?
Наши лица запеклись
Для немислимых гурманов,
Что покамест не нашлись.
Только яблочные зерна
Тайно молоды. Позорно
Горьковаты и свежи.
Стыдно пахнут лавровишней,
Округленные излишне,
Острроверхи как ножи.

Губы, зубы, языки
Снятся, грезятся и мнятся,
Словно горы, высоки.

* * *

Я знаю, кончится ветер,
Я знаю, кончится дождь,
Я знаю все на свете, кроме:
Придешь?

Умею в любом ответе
Услышать нет или да,
Умею все на свете, кроме:
Ждать.

Я верил во все приметы,
Радуюсь или скорбя,
И все сбылось на свете, кроме
Тебя.

* * *

Ветер воет. Облака
Льют осенние молоки.
Согревается рука
В синей школьной книжке Блока.
И в оплаканные сферы
Поднимается душа
На бесшумном монгольфьере,
Синим воздухом дыша.

* * *

И книги чужестранные,
И лики дальних стран.
За шторами и рамами
Быть может — Океан.

Мы что-то знаем, знаем мы,
Но что — забыть должны,
И неупоминаемым
Глаза увлажнены.

Мой мальчик, горло сдавлено
И тени по челу.
Подарен сроком давности
Неловкий поцелуй.

* * *

То плач неведомо по ком,
То ветер ветру дует в ухо,
То дождь по жести за окном
То цокает, то сыплет глухо.

В такую пору все больны
Тоской по плоти человеческой,
А чьи-то тоненькие плечи
Как лампы нить накалены.

А мы — о чем нам горевать?
Красивые за нас красивы,
Счастливые за нас счастливы,
А виноватый — виноват.

* * *

Мраморные стены,
Темные картины . . .
Здесь моя Равенна
Или Таормина.

Вычитанный где-то
Мрамор в эти строфы
Я вписал, чтоб профиль
Окаймить багетом.

Кто же ты? Спиноза?
Рок тебя сберег ли
Словно горбоносых
Мая иероглиф?

Если руки сложишь
Накрест — вид обманчив:
Анной зваться можешь,
Мой грузинский мальчик.

* * *

Над городами
Стареет небо,
Прочерченное морщинами-проводами,
Измученное родами событий.
Небо стареет.
Человечество смертью забыто,
Как лицо Дориана Грея.

Дворцовая Площадь

Кружится эхо вокруг Столпа,
Шарахается от стекла до стекла.
Тянется в арку толпа:
Феерия истекла.

Эхо дней, когда голосили
Пороховые тенора и басы:
«Перевернем Россию!»
Перевернули . . . песочные часы.

* * *

Я помню, как я начал жить.
Карьера. Быт. И неуклонно
Одoleвал я этажи,
Но взял и выпрыгнул с балкона.

И плоть была утолена
Длиною тоненького тела,
Что как зажатая струна
Послушно щелкая, не пело.

Но сладко было: как разъят
На ложе праздничного морга,
И бьет оранжевый разряд
По всей длине спинного мозга.

Алексеевский равелин

Вот Бастилия
A la russe.
Честь снести ее
Уступили . . .
Царю-с!
Конечно, Александр
Отгрохал другую тюрьму,
Но чуял кутерьму,
Не избегал Кассандр.

* * *

— Ждите меня, ждите:
Я не буду там.
Ловите, ловите:
Пустота.

Мой язык: слова на *не*,
Закон: *не так*.
Ближе жизни мне
Пустьяк.

Не держи, не держи:
Не смогу уйти.
Дорожи, дорожи:
Пусти!

Набережная Пряжки, 24

Здесь жил Блок.
Здесь он оглох.
Здесь упорствовал стойко,
Здесь терял калории.
Здесь — вторая точка,
Через которую с Мойки
Проходит прямая истории,
Отечественно-зловещей
Истории поэтической словесности.
Гнется черной радугой
Над Переделкино и Елабугой.

* * *

А мы из тех, кто любит молча,
И наша музыка влажна,
И шелест ласк как грохот полчищ
Нас пробуждает ото сна.

И мы из тех, кто запах линий
Почуяв, словно гибкий зверь,
Преследует святые длины
Между кострами полусфер.

А мы из тех, кто безъязыко
В одну сторукую ладонь
Влагает ропоты и крики
И ею тянется в огонь.

Газодинамическая лаборатория

Родное, милое слово:
Несимметричный диметилгидразин . . .

Здесь прогрессом разит,
Герцеговиной Флор,
Научно-технической революцией,
Вонючим ботинком в ООН,
Овладением силами природы,

Манией: поразить!
Закрытым распределением благ,
Убийственным благом человечества.
Слава Циолковскому!
Ученые — это поэты, романтики, пророки,
первопроходцы, фанатики, конкистадоры,
Колумб, Васко-да Гама, Кортес, а с ними
необозримая толпа безымянных головорезов-
технарей, которые,
Как червь в яблоке,
Никогда не спрашивают:
Зачем?
Гимн червя:
Я ем, я ем, я ем.

* * *

И ты была совсем легка,
И ты неслышно затаилась, И по тебе моя рука
Текла и тихим пульсом билась,
И словно бы из-под смычка
Из-под ладони тело пело:
Шуршащий звук виолончели
В пыльце, как крылья мотылька.

Петропавловский собор

Петру в изголовье
И я бы поставил цветок,
Хоть с кровью правил он,
Востоком поправ Восток.
Царь, что талантливо жесток —
Исключение, подтверждающее правило.

Кому как не ленинградцам
Чтить камня своего исток,
Каприз хромосомных мутаций,
Ткнувший в азиатский бок
Гальванический невский ток
Цивилизации.

* * *

Никто не нов.
Мы были прежде.
Мы оболочки вечных душ.

На вечный зов:
Сменить одежды! —
Они идут, идут, идут.

И вечных тел
Изгиб и кожа
Вдыхают ветер новых душ.

И в тел метель,
Тревожно съежась,
Они идут, идут, идут.

Кировский мост

Над облачной невнятной бездной
Невой расколот диск земли:
Под тяготением небесным
Земные воски потекли.

По острым кромкам половинок
Потеками висят дома,
Пилястр и башен, труб каминных,
Колонн и шпилей бахрома.

Земные силы все иссякли,
И жду я, стоя на мосту,
Что Исаакий желтой каплей
Вот-вот сорвется в высоту.

* * *

Моя сонливая жестокость,
Моя крутая прямизна,
Ты мне вручила кареокость
Как заклинание от сна.

Моя неласковая радость,
Мой давний дружелюбный друг,
Незрелых земляничин сладость
Я принял у тебя из рук.

Моя мучительная честность,
Моя загадочная топь,
Моя возвышенная местность,
Куда накликал я потоп.

Моя прокуренная нежность,
Вином окапанная мгла,
Ты увлекла сквозь неизбежность
И избежать ее смогла.

Каменный Остров

Мостики, вешки,
Скамьи качальные,
Голые ветки . . .
Как здесь печально!

Как здесь уныло . . .
Два-три отростка
На полумертвом
Дубе петровском.

Как неудобно:
Слишком серьезен
Нарост на шее
Смирной березы.

Каменный Остров —
Не Ленинград:
Остров заборов,
А не оград.

* * *

Любящие случайны,
Как срифмованные слова,
Любящие отчаянны,
Как сорвиголова.
В безнадежно многом
Находят одно:
То ли дорогу,
То ли дно.
Завешивают окно:
Зов погас
Миллионов губ,
Миллионов глаз.

* * *

Красота нашей жизни —
Шершавая красота,
И она может брызнуть,
Как в глаза кислота.
А цвета нашей призмы
Это ультрацвета.

Знак живущих несладко:
В складки собранный лоб,
Мировым беспорядком
Зашифрованный слог.
Наши сроки кратки,
Но высок потолок.

Городские сюжеты:
Всё обмен да обман —
Ожиданьем согреты,
Застывают в роман.
А души сигарета
Прожигает карман.

Как ни сладостна горечь,
Как ни опиумна слеза,
Но засохшие корочки
Отдирать нельзя.
Это безоговорочно:
Не глядеть назад!

Мы курчавые овны,
Нас стригут и стригут,
Отрастает духовность,
Не сбиваемся в гурт.
Нас уже поголовно
Никогда не сожгут.

* * *

Мы могли бы давно онеметь
От живущих себе на уме,
Мы могли бы давно умереть
От желающих усмирить.
Но упрямо не гибнущий ген
Нас выводит из плена геенн,
И врожденный спасительный крен
Нас толкает в живительный гон.
Но увидев родное — прыжок,
И прижавшись губами — ожог,
И немного чужого — как шок:
И не сделанный, скомканный шаг . . .

Но протянута нервная нить,
По которой команда: любить!
По которой завет: сохранить!
По которой: забвения нет.

* * *

Жизнь многослойна,
Многомерна,
Многопогодна.
Что в окне?
Безусловно,
Когда синесферно —
Пригодны
Крылья на спине.
А если дождь
Гвоздит как гвоздь,
Сверлит как плач,
То зонт и плащ?

И по-разному
Для трамвая
И для праздника
Одеваясь,
Мы сочимся
Сквозь фильтры лиц
И стучимся
Как в стекла линз
В проникающие зрачки
Умирающих от тоски.
Но туда могут сделать шаг
Только те из нас, кто наг.

* * *

Я — лакомка, ласково комкаю
Твои колокола.
Неужто так заспанно-ломкими
Бывают тела?

Во рту от арбузной мякоти
Язык онемел. Как лед,
Как млечность бессонного мака ты.
Как мед.

Роса твоя грозно-дразнящая . . .
Лицом — в росу,
Губами ловить разящую
Осу.

Литераторские Мостки

Нам не нужна власть, оскорбляющая нас,
нам не нужна власть, мешающая умственному,
гражданскому и экономическому развитию
страны, нам не нужна власть, имеющая своим
лозунгом разврат и своекорыстие ...

Из прокламации Шелгунова и Михайлова, 1861 г.

Все уже говорилось гогда-то,
Все уже ведомо наперед.
В русских словах новизна — только дата:
Век. Год.

1971

* * *

Никто не знает: на безумии
Живу как будто на Везувии,
Никто не знает, кто там корчится
Во мне, замученный за творчество,
Никто не знает, что за ужасы
Коросту губ мне мажут уксусом,
Никто не знает, что отчищены
От правд мои святые истины,
Никто не знает, что за дивное
Плачу ожогами крапивными,
Никто не знает, что неистово
Безумие штурмует приступом,
И сколько надо сжать пружин,
Чтоб этот приступ пережить.

* * *

Море в памяти у нас
Синее-пресинее,
А теперь оно на глаз
Зимнее-презимнее.

Снежным берегом бредем.
Желтовато кружево
Брошенного декабрем
Ледяного крошева.

Желтоватые бугры,
Набрызги и наплески . . .
Нам уже не до игры,
Не до бега в запуски.

Жизнь моя прошла, прошла,
Вон она виднеется:
Льдиной-лодкой без весла
В море индевется.

Комарово

Что так сосны березовы?
Это снег или соль?
Сны их сахарно-розовы
Или снится им боль?

Снег в безветренном сне навис
Белым гнутым листом.
Трудно стискивать ненависть
Пред железным крестом.

Медальон с юным профилем,
Крест и снег на скамье . . .
Русь, ты вместо Голгофы ли
Стихотворной семье?

* * *

Я устал от своих костров
Под струей холодной воды,
Я устал от победной беды
Триумфальных своих катастроф.
Я устал от ядра черноты,
Что сидит в глубине красоты,
Я устал, словно где-то видал
Без другой стороны медаль.
Я устал от двусмысленных фраз,
Я устал от подавленных злоб,
От гнетущих и розовых фаз.

Жизнь, двуснастная тварь, я устал
Перекусывать жил твоих сталь.
Может быть, я давно больной
Тем что я, как и ты, двойной.
Темнея, зовут вечера:
Пора . . .

Сосновая Поляна

Сосновая Поляна,
Рукой подать — залив,
Но дождь не постоянен,
Не хмур и не тосклив.

Сосновая Поляна,
По жести — капель стук.
Горячечные планы,
Свобода и досуг.

Сосновая Поляна,
Вой ветра бесноват.
В причудливом обмане
Никто не виноват.

Сосновая Поляна,
С которой обручил
День счастья без изъяна,
Хотя и без причин.

Сосновая Поляна,
Трамвай, Торговый центр.
В мозгу — воспоминаний
Целительный ланцет.

* * *

Дивно прозрение длится:
Стеклянными стали люди,
Вижу в прозрачных лицах
Зрачков прозрачные слюды.

Если кожа — стеклянный
Кожух — устройство просто:
Лишь частокол желаний,
Трубно-органный остов.

В неразличимых оправках
Жеста, слова и ласки —
Только желания славы,
Власти, богатства, ласки.

Только неразличимой
Музыки первопочерк:
Только простые пружины
Двигут: хочет — не хочет.

Но перед мнимым секретом
Лоб свой наморщю для вида
И ни за что на свете
Тайну его не выдам.

* * *

Это опасно:
Кажется, что все ясно.
Кажется, постижимы
Все мировые пружины,
Кажется: все просто . . .

Это болезнь роста?
Или деградация?
Я стал перерождаться?
Или все-таки перерос?
И мир действительно прост
И сводим как число
К двум началам: добро и зло,
И меж них коротает век
Буриданов человек,
А мир только тем и жив,
Что кто-то все-таки крив?

* * *

Политика и любовь,
Любовь и политика,
Башни лбов,
Луны-личики.

Мы крылаты
Только за плату.

Хмурим бровь,
Платим, гневаясь:
Цена за любовь —
Политика-ненависть.

Улица Рубинштейна

Смутно отчеканено,
Но я читать привык
Сумеречно-каменный
Язык.

Городским пророчеством
Исписана скрижаль:
Вечерелье. Ночество.
Снежаль.

* * *

Да, мы из тех, кому всегда
Везде, в любой эпохе плохо,
Кого эпоха без суда —
Коленями на горсть гороха.

Кому насилие — гнойник,
Кому обманы — как короста,
Кому эпохи воротник
Ласкает шею как гаррота.

Да, верно, что и в добрый час
От массы щебень наш отколот,
Зато никто острее нас
Не чувствует эпохи холод.

Мы воткнуты то там, то тут
Во льды арктической культуры.
Мы — спирт живой. Замерзла ртуть.
По нам отчет температуры.

* * *

Ах, уклончив, посторончив,
Ах, обманчив и обгончив
Этот город, гомон, гонор:
Кто-то пьет, а кто-то донор.
Локти — выше, губы — тише,
Нет — простому, да — престижу.
Что для нас дороже ада,

Ада: надо-надо-надо,
Срочно, спешно, страшно надо?
Громкий и огромный город:
Лица, тени, взгляды, знаки,
Мимолетны мнимобраки,
Жути, жесты, масти, мести
Явной жизни, тайной смерти:
Стоны, страхи, срывы, порчи,
Всхлипы, схватки, спазмы, корчи.
Ах, колючи ночи, речи,
Жгучи споры, ссоры, встречи,
Ах, сильны, страшны, могучи
Спины, стены, шпили, тучи:
Как мы ломки, как мы мнучи,
Как мы тонки, шелковисты,
Как мы хрупки, как мы чисты,
Как бесстрашны, как беспечны,
Непонятно человечны . . .

* * *

Умение понять = умение быть слепым,
Цвета, кресты, круги ронять в молочный дым;
Имен, вещей и мест панически боясь,
Искать больных причин двоюродную связь;
Ладонью прижимать вибрато голосов,
Жизнь разлагая в ряд осей, пластин, болтов;
Упрямо и грешно, переломив отказ,
В объятиях сжимать логический каркас
И ломотой губной желанье а не жуть
Почуять промеж слов: пространство, время, суть.

Умение любить = умение забыть
Идей, понятий, слов игру, задор и прыть;
Рассудок отстранив, спустить с цепи садизм,
Замучить и зарыть визжащий силлогизм;
Построить крепкий мир, где камень, корень, сок —
Щека, язык, слюна, где имя бьет в висок;
Услышать голоса, уставшие кричать:
«Мы золотой песок, мы складка, ямка, гладь!»
Почуять в краткий час, где год идет за сто,
Губами бытие, а за спиной — ничто.

Адмиралтейская набережная

По проспектам идут покупатели.
Что же набережные пусты?
Где мечтатели-бормотатели,
Почитатели красоты?

Не морозно и не полуночно.
Что ж так долго во льдах домов
Прогревают окошки-луночки
Всесжигатели мостов?

Где философы и фанатики?
Где же пары рука в руке?
Поцелуев разбавить патоку
Почему не идут у реке?

* * *

Среди всех, кто тобой
Намагничен и взвинчен,
Я — из самых глухих
Тридевярых провинций.

Я — из давних времен
Запоздалый повеса,
Нацепивший брелок:
Златокарего беса.

Я, конечно, один,
Кто вполне половинчат
Среди всех, кто тобой
Намагничен и взвинчен.

* * *

Где мы задержались? Зачитались в детстве.
В книге как закладка залежалась шалость.

Где еще застряли? Строго выбирали,
Чтобы интересно, чтоб вдвоем не тесно,

Чтобы полновесно, чтобы было вкусно.
Не хотели пряник пресный а не пряный.
Но кому-то тесно, а кому-то пусто.

Где мы засиделись? При полезном деле,
На своей работе, на своем наделе.
Так и постарели: всё отдать хотели.
Плесени и прели съели наши трели.

Где мы опоздали? Ожидали чуда:
Некто ниоткуда — в свет нас из-под спуда
Тянет, утешает, ставит при штурвале.

Надо бы не мешкать — были бы как люди:
Ели бы и сами нежились на блюде.

Упустили время. Скоро будет сорок.
Годы: сорок корок. Годы: сорок терок.
Поздно, поздно плакать: «Надкусите мякоть,
Соки через поры — с серым сроком в споре,
Мы еще не смяты, мы шафран и мята!»

Не в листе капустном, а в листе газетном,
А в листе плакатном и в листе анкетном,
С криком пусть не зычным, пусть косноязычным
Родились сегодня, родились азартно.
Что с того, что старость в детство нам досталась!

* * *

Верю в тебя, живущую в полусне,
Верю в тебя — в жгуче истерики,
Верю в золото в твоей казне,
Верю в свободу в твоей Америке.

Верю в вулканы, магму и угли,
Верю в зрачков кофейную оптику,
Верю в прелую прелесть джунглей,
Верю в твою экзотику.

Верю в тебя, не знающую пути,
Верю в тебя, забывчивую, незрячую,
Верю, что угадаешь пунктир
На карте, которую прячу я.

* * *

Ах, южные идеалисты,
Ах, южные энтузиасты . . .
Их летние пути тернисты,
А зимние — с коварным настом.
Спускаясь с гор курчавым стадом,
Кричат отбившимся: «Не надо!
Давай наверх, давай обратно,
Пытайся, пробуй семикратно,
Не может быть, не все же волки,
Не всё же стены, есть и щелки!»
Звучит припевом бодрой песни:
«А вдруг? А все-таки! А если?»

* * *

Возмущаясь: «Чего же ради?»
Негодюя: «В конце концов!»
Я согласен жить в Ленинграде
Как в Египте моих праотцов.

Я хотел бы жить в Ленинграде,
Только родина — не для меня:
Не видать суконного ряда,
Не дожидаться Юрьева дня.

КОМПЛЕКС МИДАСА

Минута облегчения,
Минута излечения —
И приняла вода
Панурговы стада
Косматого стыда . . .
И увлекает стонущих
И блеющих о помощи —
Неведомо куда.

Теперь мой мир,
Мой Петербург — Сибирь.
Ну, где же вы, ну же,
Скорее,
Холерические хореи!
Кто сильнее:
Я или ужас?
Меланхолические дактили,
Вы — предатели? . .
Сибирь, мое малокровие!
Железа мало.
Железо: новое, новое —
За Уралом.
В железных зубах забот
Обезжелезен, рассержен,
Неужто пушу я в ход
Последнее: внутренний стержень?

Все то же. Все та же.
Все так же. Все глубже.
Все хуже.
Себя не утешу
Ни током. Ни солью.
Ни болью. Ни ленью.
Ни соком. Ни долготерпеньем.
Иные здесь горы:
Здесь горы — укоры.
Иные озера:
Озера — позоры.
Иные здесь травы:
Здесь травы — отравы.
Иное — обвалы,
Иное — облавы!
Иное!
Из глаз моих — венчики рук,
Чтоб все оттолкнуть,
Что увижу вокруг.

Я улетал.
В прощальном небе Сосновой Поляны:
Зима-амазонка
С низкой грудью
Над кружевным лесным
Горизонтом.
И солнце-сосок
Осталось в глазах
Как песок.

Отдаю желания
Рук синезильчатым листьям,
Запахам дымным и пряным,
Дразнящим изъянам,
Взглядам вязким, смолистым,

Силам нечистым,
Рук защеблениям крабьим,
Восстаниям рабьим,
Неуловимым судьбам,
Многозначным сутям,
Шатким границам,
Перепутьям,
Лицам.

А мы все кочуем
По контурной карте . . .
А что это «страх»?
Душа мускулиста,
Как родом из Спарты,
Душа заночует
В снегу, на гвоздях.
Мы всем обладаем,
Ничем не владея,
С собою в ладах,
Идем по пустыне,
Как шли иудеи.
Душа — молодая,
Не вязнет в песках.
И редкое благо
Вливаем как влагу
В походную флягу,
И радость как знак
Берем прозапас.
А белые флаги
В котомках у нас.

Уведи меня в ночь,
где течет Енисей . . .

О. Манделъштам

Под мостом течет основа,
На мосту трамвай-челнок
Нить мою вдевает снова
В енисейский нервный ток.

Я с тех пор как стал спокойней
Чуть не с нежностью гляжу:
Морщат внутренние войны
Кожу серому ужу.

Меж Цейлоном и Таймыром —
Рядом азиатский пуп —
Я уже с Сибирью в мире,
Как с могилой давний труп.

Первично НЕТ.
Мы скажем «нет» —
И весь ответ.
Но если ДА —
Оно какое-то всегда.

НЕТ было до,
Потом — гнездо,
В котором ДА,
Но выпал наземь из гнезда
Птенец.
И снова миллионы лет
Первооснова мира — НЕТ,
Его начало и конец.

. . . Ни даже так, как вечны мухи
В медовом камне янтаря!
О нас не будет даже слухов,
Не то что троп не проторят.

Смола эпохи нас расплавит
Как известь — тех, кто был казнен,
Но известь сохраняет славу,
А нам не сохранить имен.

Мы слабые. Природа силу
Дала в инстинкте: «убежим!»
Но бегство отнято, и жилы
Перерезает нам режим.

Войдя в страну-гарем, с размаху
Наследственность перегрузил
Монгольским позвоночным страхом
Филантропоидный грузин.

Гнилая кровь рабов и трусов,
Гнилое семя — в семь колен
Пошло от чувственных укусов
У тех, кто взят в российский плен.

Опередила всех Россия
В бордюры границ — в рекордный срок —
Назло мятежной энтропии
Залит сверкающий каток.

Стремленье к равенству — причина
Смертей живых и тепловых.
Мы — вечный двигатель. Нас чинят
Ногтем квасных мастеровых.

Патриотической веревкой
Какой удушат миллион?
Над нами в новой Пискаревке
Не встанет братский павильон.

Мандельштам

Читал как плыл. И вдруг пахнуло жаром
И гравитацией чудовищного шара,
Который на себя взвалил атлант.
Молчание о тяжести — талант,
Которому дал выход арестант.
Его какой-то критик арифметик
Назвал кощунственно: герметик.

Струилось напряжение озноба
Как марево, когда горяч асфальт.
Почти не просочилась злоба.
Друг в друге растворились оба:
Поэт и шар.
Кому теперь молчать: «Пожар! Гевалт!»?

Любовь — испытанный дурман.
Остынешь — есть наркотик: труд.
Семья и книги дальних стран
За морфий, наконец, сойдут.

Дыханье сперло от «свободы?»
Посмейся нервно. Помолчи.
Власть — квинтэссенция народа
И аммиак его мочи.
Один из многих — что за драма?
А из немногих, то тем паче.
Не надо буйства. А бальзама
Полно и в чайной ложке плача.

Ах, в нашей жизни драматизма
Не более чем травматизма . . .

Дополнительность

1

Изъятым из мрака абстракции «люди»,
Живущим в браке, любви, или блуде,
Мужчинам и женщинам,
Свинченным и венчанным
Дополнительностью соития,
Неведомо, что соистина
Спарена спором с каждой истиной.

Незнание — дерзание и деяние.
Будучи только одним из двух,
Острием или впадиной личности
Вылушиваем одно из двоичности.

Как кометы гостят гормоны
С хвостами гвоздей, стрекал и хлыстов,
С букетами бунтов и бинтов,
Исчезая в мудрой гармонии
Детей и стариков.

2

Чем глубже истина, тем меньше в ней опоры,
И тем надежнее, согласно Бору,
Ей противоположная. Их сумма,
Вернее, дополнительность — разумна.
Когда все так сомнительно, что нашей
Любви и нелюбви до края чаши —
Хоть сердце разорви — полны, и вкус вдвоем
Сверлят как два бурава две отравы —
Мы правы если слезы счастья льем.

— ○ ○ —

Любимый месяц — февраль,
Как все неравное и странное,
Недомерок, сухопутный корабль,
Напрасное страдание,
Эмблема беды:
Послезавтра ближе чем завтра.
Осенних тлеющих листьев дым
Опережает азартно
Весну и лето.
Праздник — один
В четыре года.
Больше седин
В парике погоды.
В вывернутых наизнанку, голых
Трахеях и бронхах земли
Булькают коды,
Но соки от антиподов
Еще не перетекли,
Не надули зеленые альвеолы.

Ели да, то только
За бедность,
За забитость,
За беззаботность,
За кроткую беззубость —
Да, зубную болью мне данную
Гамлетовскую Данию,
Мою бестолковую,
Простодушную
И хитрую Московию,
Да, да, неродную родину,
Подневольную, алкогольную,
Слабоумную уродину,
Со жвачкой коровьей,
С лакейской кровью —
Нет, эту — нет!
Пилит и пилит, пилит и пилит:
Или — или, или — или.

Как смотрел в тебя?
Боясь.
Как смотрел?
Всегда сквозь пальцы.
Как? Чтоб не срастила связь.
И всегда ты из меня
Убывала как вода,
И всегда ты
Как сквозь пальцы . . .
И всегда . . .

С мычанием мыкаясь,
Страстью намокший,
Но тех, кто обычен,
Настигнуть не смогший,
Я вышел невстречу
Идущим навстречу,
А тем, кто добыча,
Мой путь поперечен.
Набывчившись,
Струнами скручен,
Стреножен,
Забывчивый, странный,
Опять растревожен,
Шажочками в путях,
Как будто увечен,
Бочком уклоняюсь,
От всех, кто навстречу.

Песня о повешенном

Моя национальность:
Русский еврей.
Национал-специальность:
Стоять у дверей.

Зависеть от милости,
Висеть на волоске,
Мылом мылиться,
Строить на песке.

Узнать нас просто:
Нос и акцент.
Эту коросту
Не вычесал процент.

В русском Китае
Нами солят бульон:
Скоро растает
Последний миллион.

Станем незримы.
Здесь все равно
Смогут без грима
Сыграть Сирано.

По идеальной параболе
Нос наш гнут:
Кораблик. Пора бы нам
Куда-нибудь махнуть.

Без еврейского вопроса,
Без носатых голов
Россия — безносый
Майор Ковалев.

Ах, прорицаю:
Ответим добром
Тем, кто тридцатки
Считал серебром.

Из книги писем

1

Я люблю тебя. Мыслями
Еще не замаслена
Любовь моя. Умыслами
Не замусолена.
Сердце сумраком
Не замусорено.
Но кровь моя тронута гневом
Как гноем:
Кем так устроено,
Чтоб не быть с тобою?

2

Любовался и любил.
 В любопытный застенок угодил.
 Повис на дыбе. Воды бы . . .
 Вот она — ты. Прекрасна — ты.
 Я люблю тебя. Каждый раз
 Тычешь и тычешь
 В давно уже вытекший глаз.
 Знаю уже как остра
 Твоя темнота.
 Не надо дыбы, не надо костра.
 Взвизгни: «Вот он, безобразный иудей!
 Двух не пожалею, двух своих гвоздей!»

3

Я пес твой, падаль, пыль твоя,
 Запаршивел, зашелудивел,
 Мозг мой тобой зачервивел,
 Источен, изгрызан тобой,
 Истощен, набекренился:
 За сбоем сбой.
 Сердце порами портится постепенно:
 Стало как губка, как сыр, как пена.
 В чрево мое — ты червем
 Вечерним червовым червонным червем —
 Вверчена.
 Не заморить его, не заморозить.
 Я люблю тебя. Господи, Господи!
 Ты — проказа. Чума ты. Оспа ты.

4

Крепость моя!
 Ты прекрасна.
 Не поддаешься осаде.
 Убегаю от стен —
 Как в кипящей смоле
 И в горящей сере —
 В досаде,
 В потере.
 Опять веду, осмелев,
 Подкоп я,
 Натыкаюсь на копья.

Сомлев —

Падаю.
Пусто во мне все,
Пусто.
Синелико лежу,
Синеусто.

5

Все не так. Чем хотелось бы —
Все иначе. Таково мое качество.
Я как иночество принимаю
Иначество. Таково мое творчество.
Я люблю тебя. Принимаю затворничество.

6

Нечем мне опечалиться,
Нечем впечатлиться.
Неприкаянные — причалить бы,
Сопричалить нам лица.
Омыть бы глаза стеклянные,
Солью запотелые . . .
Ты прекрасна. Омыть бы глаза,
Выполоскать бы телом твоим.

7

Я опять, опять я с письмом.
Что прогремит в нем
Медным серебряным золотым добром?
Кроме тебя — всё на свете сон, бром.
Трону тебя — словно трону трон.
Кто там с тобой? Всех на убой!
Кроме тебя все на свете тлен.
Я люблю тебя. Как прежде писали:
У твоих колен.

— о О о —

Неужели все переменится? . .
Без оков язык — ты каков?

Даже пена еще не пенится . . .
Много толков. Мало толчков.

Комплекс Мидаса

Моя страна, мои большие уши,
Покрывшие одну шестую суши . . .
Уже колтун под тесным колпаком,
И в горле ком.
Сказать, шепнуть — и обезболить душу.

Моя любовь, мои большие уши . . .
Я прячу их, заталкиваю в душу.
Сказать — как зализать их языком.
Шепнуть тайком —
И меньше боль, хотя во рту все суше.

И шифром шепот, и открыто — крик
Вдуваю в строк подкошенный тростник.

Бессонница терзает печень ночи
И веки мне щекочет и песочит.

И смотрят укоризненные слизи:
Стыды моей давно прошедшей жизни.

И шелкают раскатисто оскалы:
Мои неутомимые провалы.

И повторяется опять: «Я бес твой» —
Моя судьба, мое большое бегство.

Слова из оловянного расплава
Слагаются в дымящиеся главы . . .

Но красота: «Зачем меня тревожишь?
Меня не можешь ты, меня не можешь.»

Сочинение на заданную тему

М.Б.

Вот солнце на водоразделе
Полуапреля-полумарта
Нащупало в гардинах щели,
И взяв янтарной масти карты,
Сдало на стол их неумело.

И жильчатой скорлупкой лука
Зазолотилась подоплека
Косоугольных лужиц в лаке,
И так лизнуть их захотелось
Как золотую поволоку
Заплесканного югом тела.

И пять минут в цвета парада
Мой мир, как в детстве, был окрашен.
Когда мы утренние — радость
Встает печали чуть пораньше.

Соком грусти —
Спелой груши —
Льются к устьям
Наши души.

Наши души —
Это реки.
Зной удушлив.
Дождь опеки!

Дождь опеки,
Лей в притоки.
Больше не с кем
Быть жестоким.

.....

Лишь морочат
Наши речи,
Наши ночи
В междуречьи.

Тела

1

Тела клубятся грозно, грузно
И набивают в ноздри пух,
В их оболочках тук набух,
И убаюкивает слух
Журчащий тук, счастливый узник.

Тела признательны как твердь
Тем, кто пророев в них каналы —
Их плотный грунт хранит анналы
И по условленным сигналам,
Волнуясь, растворяет дверь.

Тела — как косточки олив
Тверды, но гладкие как бивни,
Как деки лаковые дивны —
И скатываются как ливни
Ладони в дельту и залив.

Тела, чьих полусфер на веру —
Как конус бедер, лиц овал —
Мы принимаем идеал,
Который разум надрывал
Эвклиду — и глаза Бодлеру.

2

Искушают глаза,
Иссушают,
Как облако газа-отравы.
Глаза оправу
Надо вызолотить,
Как оклад на образа.

Зрение,
Созерцание тел человеческих —
Как увечье
Рук о стекло.

Брошено тело в глаза
Словно пригоршня перца.
Лоб — не чело,
Грудь — не перси,
Глаза — не очи,
Но о них, как дитя
Об углы стола,
Бьются глаз венценосные головы —
Как языки о колокола.

3

Я расскажу о бугорках,
О родинках,
О волосках, о складках,
О всем, что насторожено в руках,
И освежу свою межу
Между всевластьем и упадком.
Я расскажу, как я дрожу,
Как глохну после лихорадки.

Как все ушло. И след духов
На коже длит метаморфозу
Последних пальцев-мотыльков,
Перерожденных из угрозы.

— о о о —

Поэты средней трети века,
Те, кто в тридцатых был рожден,
Ваш век почиет, изможден.
Вас, как ближайших слуг и жен,
Вослед за пауком-вождем
Внесут в курган библиотеки.

Наступит день,
Разроют вас
И подытожат в приговоре:

Умели золото ковать
И даже выдумали порох.

Кто виноват в такой беде,
Что этот порох без селитры?
В обессвобожденной среде
Поэзия росла *in vitro*.

В эпоху общей немоты
Умели подстригать цветы.
Считала власть, что так — красиво.
Что-что, а власть была *in vivo*.

Рожденный на грани
Меж мною и зримым
Кипит ощущений плеск
В пронизанном нервами Риме
И гложет и лижет хлеб
Чужих и любимых ликов
И в череп как в Колизей
С потоком питающей крови
Втекает наэлектризован
На зрелище битвы идей.

Мы — прошлое. Мы все умрем.
Мы — чей-то бессердечный опыт.
Мы одноглазы как циклопы,
Мы знаем только визг и шепот,
И сбивчив наш ребячий топот,
И в обморок нас валит гром.

Мы трусы, мы рабы, мы тени,
У нас как гланды вырван гений,
В кормушках — отруби мгновений,
И страх вкололи в наши вены,
И страх нас усмирил как бром.

И длится, длится, длится шок:
Нас вывернули, нас растлили,
Под сапоги нас подстелили,
И пыль вбивает в глубь извилин
Правительствующий содом.

Не может быть, что навсегда
Глаза заплеваны бельмом
И не омоются умом!

Но путеводная звезда
Еще не светит в города.

Пророчества

1

Заглянем в двадцать первый век,
Привстав на цыпочках-нейронах:
Пусть волосы шумят как кроны
От ветра будущих тревог.

Натянем тетиву на слух:
Не может быть, чтоб не заржали
Те кони, что от нас сбежали —
Как если б нам не подражали
Фантомы наши в зеркалах.

2

Мы — эпитафия для книги о будущих играх под игром.
о радостных визгах под пилами или в петле, о собачьих,
о милых лизаниях масок под током, о рачьих глазах
из-под касок, что смотрят на нас, о восторге ладошки
под трешкой, о радостных оргиях торга за тело,
в котором истлела духовность, созрела готовность,
готовность созрела, и преданность, проданность,
преданность в нем без предела: бесполоая новая суперлюбовь.

3

Мы поймем, что бесконечно мало надо, чтоб не донимала
 власть нас, мы убьем ее, убьем, мы вырвем жало гада, ибо мы
 поймем, что бесконечно мало надо, что чуть-чуть, что еле-еле,
 только атом непокорности пиратам, непокорности магнатам:
 черный, благоговорный атом, мы поймем, что бесконечно мало
 надо, чтобы это стало твердым как алмаз кристаллом
 и огромным словно скалы, власти выщербив оскалы.

4

Трубы насытят дух, приучат тощий слух Рубенсы созвучий к
 тучности, мощи воскреснут, пресность запенится и защиплет
 язык и задразнит мерцанием разниц, но плавное станет главным и
 круглое станет мудрым, и это будет утром после графита и
 ржавчины, шершавых сколов гранита, после голоса ночи — иглой
 по стеклу — под светом софитов, после немого кино, автоматов
 и плакатов «Убей!» на углу.

— о о —

Красивые слова —
 Мне кажется —
 Давно уж отгорели
 И всех, кого могли
 Давно уж отогрели
 И будут греть кого-то до могил,
 Кого-нибудь, чьи уши для свирели,
 Для арфы и для нежных бубенцов,
 Как губы — для прозрачных леденцов.

Красивые слова —
 По мне — надолго устарели:
 Их ореолы — слизь.
 По мне — прекрасна эфемерность лиц!
 Я верю: чья-то голова,
 Как и моя — болит от мыслей-льдинок:
 Тяжелый груз:
 Созвездия кристаллов-друз.
 Сухая соль и лед — вот равный поединок.
 И хины подмешать пять-шесть крупинок,
 Иначе эта боль и не пройдет.

Но Боже мой, опять я вижу в страхе:
Откуда? Не из рукава ль рубахи?
Проклятый сахар мой, проклятый сахар!

Иннокентий Анненский

Я пришел к своим истокам,
Одиноким и глубоким,
И истоки бьются током,
Вяжут десны мне настоем
Крепким, травянистым, чистым.
Даже жаль, что не буддист я,
Хоть, пожалуй, все пустое:
Цепи перевоплощений . . .
Но и я беглец от истин,
Уклонитель от устоев,
Робкий хищник ощущений,
Жертва шпажной раны мига.
Пусть и я — последний листик
Из незавершенной книги.

Андрей Вознесенский

Зачем я в руки взял
Содомскую заразу?
Завидую тебе,
Проклятый Моцарт джаза!

Бодает бык метафор
Багровый светофор.
Ты — масло, мир — офорт,
О матадуроавтор!

Я корчусь от тебя,
И зависть — как холера:
Будь я с тобой знаком,
Я был бы твой Сальери.

Среди безделья или дум,
Среди погони или бегства
Как Божий перст над нами — ум,
Как нимб. И никуда не деться.

Когда любовь, как морфинист,
Надежду колет сквозь одежду,
Вгрызаясь гусеницей в лист —
Не в жилки строк, а в то, что между —
Заезжий равнодушный сноб,
Ум входит в балаган эмоций,
И сердце, как прыжок в сугроб
Предвидя, ежится и жметя.

И валится эквилибрист,
И простыня лежит погостом,
И миг как иней серебрист.

Ум шепчет: Господи, как просто . . .

Когда потом перед судом
Стоит рассеянное чувство
И снова грезит о простом —
Ум буркает: «Не поручусь я . . .»

Ум, уммм — как бухает копер:
Не торопить, не наобум,
Ум, буммм — под ухом как табун:
Смети как сор и все — в костер.

Ум, бессеребренник-трибун,
Громи — никто не вступит в спор,
Но *просто* — словно пот из пор:
Наперекор, наперекор.

Три сонета

1

Грустно, горько. Слов нет.
Слишком ясно. Слишком поздно.
Трубка? Алкоголь? Сонет?
Все напрасно. Все венозно.

Меланхолия, азарт —
Все кончается на свете:
Смешное, злое, масть карт,
Свеча, зима, дождь, лето.

Кончается завод часов:
У меня, снятого с твоего запястья,
Кончается. Нет тебя. Нет слов.

Не ломается, к счастью-несчастью,
Долговечен живой механизм.
Заведи меня. Хоть приснись.

2

А кто так веселится
В коленчатых прыжках,
Что весь по шею в виселице
И сонных порошках? . .

Облепленный как мушками
Всем, что с тобой вразрез,
Мой здравый смысл по камушкам
Коленками полез.

Как пальцами помятая
Согрелась темной памяти
Податливая камедь,

И снова непонятная
Притихла под руками ты
Как гладкий, теплый камень.

По-прежнему в твоих полях идут
 Мои волнообразные процессы.
 Что все слова — неловкие протезы,
 Я понимаю в показном бреду.

Я под прицелом огнестрельных дум
 Подсчитываю мелкие порезы:
 Так мелочность спасительно полезна,
 Когда в затылок смотрит пара дул.

Ты — нервный тик мой, детская привычка,
 Ты — горький, горечь плавящий энзим
 В той горечи, которой я напичкан.

Опасно пахнет время: как бензин!
 И убеждать себя, что надо прятать спички,
 Так устаю, что я уже без сил.

— ○ ○ —

Двадцатый век патрициев овеял —
 И их как дым по ветру унесло.
 Двадцатый век теперь грозит плебеем,
 Но ненависть — плебеев ремесло.

Плебейскими бациллами элита
 Заражена. Бациллы — в порах вер.
 Пусть власть эпохи нео-неолита
 Погибнет от чахоточных каверн!

Пусть наш язык, шершавый словно рашпиль,
 С пигмеев слижет лживый позумент.
 Пусть наш язык, юродиво-дурашлив,
 Расковыряет струнья перемен.

Красивое! Ты на руку тиранам
 Как водка, как святыни, как престиж.
 Когда на месте язв почуем раны,
 Красивое, ты нас тогда простишь.

ПАРАДОКС РАССЕЛА

Затмение

1

Подчелюстные черви отвращения
Опять буравят желуди желез,
И разрешаются слюнотечением
Нарывы слез.

Опять во мне дневное одиночество,
Заплеснутое в грудь,
Прогнуло диафрагму словно ртуть,
Нежданно, как опала вместо почести.

Сползает вяло, как с листа улитка,
Отчаяние, гость из прошлых лет,
Оставив на попутных лицах близких
Белесый, слизистый и липкий
Постыдный след.

2

Живу как эмбрион в цейтноте —
Чрезмерно головаст.
Свершиться чувственной работе
Судьба уже не даст.

Но хочется, расправив жабры
Как крылья — выброситься в мир
Незавершенным, странным, храбрым,
Сверхнатуральным как вампир.

3

Цвета и звуки,
Запахи и формы,
Повисните как осы
Перед моим лицом!
Не надо ничего, что кончится концом,
Или возвратом из-под хлороформа.

В меня — не надо:
Будьте у порога,
Я выйду вам навстречу,
Не нужно тратить жал:
Я боли не боюсь, но убивать вас жаль.
Я вынесу вам сахар, недотроги.

Пощекочите
Липкие ладони:
Вот зрительные руки
(Из плоти — за спиной).
Любовью к внешнему хронически больной,
Я рад вам как любимой на перроне,
Которую не пригласить домой.

4

Как те микробы в биосфере,
Что въелись в нефть и кислоту,
Я, приспособившись к потере,
На чистой горечи расту.

Когда на свете есть война,
Тюрьма и паралич — о чем же
Мне сетовать? Ведь я на лонже,
И бездна только зрителям страшна.

Я сообщаю голый факт,
Почти что не преувеличив,
И пусть кому-то будет легче
От мысли, что не единичен —
Клиничен случай, как инфаркт.

5

Когда я слышу: где-то барабан
Стучит бодрее чем для похорон,
Мерещится, что это не парад,
А горожан скликают на погром.

Я чую страх. Во мне как антрацит
Он черен: отложение веков,
И чудится: ревет колонна : «Жид!»,
Размахивая бритвами икон.

Тогда во мне как сладкая болезнь,
Как опухоль, твердеет чувство корня,
И я готов на ласку и на лесть
Сородичам каких судил упорно.

6

Там, в стране для легконогих
Розовеют времена
И в осколках битых логик
Отражается страна.

Тихо звякают обмены
Губ на губы — баш на баш.
Потеряв, обыкновенно,
Не горюют от пропаж.

Эти раковины-губы —
Полосой на берегу.
Там хранят игральный кубик,
Губы же не берегут.

Мне затмение открыло
Этой жизни негатив,
На любимое светило
Просветленьем накатив.

Что сияло желтым солнцем
Над поверхностью Всего —
Зазяло черным солнцем,
Распахнувшись как зевок.

7

Бессоницу не отличить от злости.
 Я ненавижу всех, кого люблю,
 Все, что люблю — ценю я по рублю,
 И в памяти — обглоданные кости.

Так ясно вижу я себя в разрезе,
 Так понимаю тайный свой чертеж,
 Исполненный в желе, задуманный в железе,
 Что от удушья злого невтерпеж.

В такую ночь, когда во всех углах
 Отрубленные головы и руки
 Мерещатся бессонным совам спален,

Я идеально ненормален:
 Владеет мною злость и не владеет страх,
 И злость разносит сердце в каждом стуке.

8

Любители порядка,
 Утратившие цель,
 В гранитной цельной кладке
 Найдут косую щель.

Кто быта Немезиду
 Случайно оскорбит
 В комической корриде —
 Пред тем споткнется быт.

Душевного стеноза
 Распахнутся врата,
 Отторгнется заноза,
 Сомкнется пустота.

Застынет в плоских гранях
 Кубических квартир
 Под бдительной охраной
 Шарообразный мир.

9

Майский дождь. Асфальты светлы.
 Бледен — *зелен* — день — *газон*.
 На лужах нижут кружев петли
 Уроны с неба цвета пепла.

Вечерний дождь. Звучит балкон:
 В газету — сахар — задний план.
 Поближе — в полуполный чан
 Роняют вишни. Кто-то лишний
 Всё попадает невпопад.

10

Россия научилась ненавидеть.
 Пока Россия не научится судить
 Своих царей — здесь ничего не выйдет,
 Ничто Россию не освободит.

Прапращурьы славян белесых
 Секли Перуна и Велеса.
 И поднималась же рука!
 Но в раболепстве не смутится
 Дух современного метиса,
 И дураками Русь крепка.

Есть большеглазые, и есть ты:
 Карие карты Америк и Евразий.
 А большеглазые — пусты:
 Карты пустынь у большеглазых.

Есть большегрудые, и есть ты:
 Вкус фараонов — негромкие гроздьа.
 А большегрудые — как листы.
 Ты же — как лисьи морды, как гвозди.

Добрые есть, и есть ты:
Хлипким клепкам души — обруч.
А добрые — это кресты.
Кресты — объятия добрых.

Спасители есть, и есть ты:
Стоны протяжны, бессоницы тяжки.
Спасители знают одно: спасти.
Ты же — сгубить, и губам — из фляжки.

Законы сохранения —
Как рыба чешуя,
И в них скользит вселенная
По времени, шутя.

Быть может, траектория
Вселенной — не спираль:
Тропа кольцом проторена
И возвращает даль.

Законы сохранения
Для личности — как сон,
Когда бежать — спасение,
Но — в воду погружен.

Закон: бери добытое,
Но чем-то заплатив,
Ценой любви ли, быта ли.
Вся жизнь — паллиатив.

Законы сохранения
Тогда дают отказ,
Когда стихотворение
Читает пара глаз.

Пусть прочтут хоть тысячи —
Не вытопчется шрифт,
И снова мерно тычется
И шарит в нервах ритм.

Ведут законы физики
Мир к жизни, нас — на смерть.
Но есть законы музыки:
Над смертью — смех.

Распался неболет лиловых облаков,
Летит лиловых перьев стая,
И сохнут корни языков:
Назвать, что тает, улетаая.

Блаженствуй, рыболов лиловых слов:
Лиловый, лилистый, лилѣсый!
По пояс — головою — в плесе,
Пока не истощится клев.

Вдруг видеть, выйдя на балкон,
Что в воду воздуха украдкой вылит
Флакон лиловых облаков —
И этот выход — словно вылет.

Крым

1

От моря тень легла багрово
На плоскости солончаков.
Декалькомания веков
Здесь процветала: моря вдоволь.
И всё слоилось без конца
(Не обошлось без опечаток).
Малороссийская ленца —
Наинouvelший отпечаток.
Но море все же натурально,
И Ялта амфитеатрально
Туза встречает и юнца.

Чуфут-Кале, воздушный остров
 На ярус ниже облаков,
 Останки, основанье, остов
 Не столь уж басенных веков.
 Татарам было невдомек
 (Евреи ими не коримы),
 Что не евреи караимы:
 Они прекрасно ладят с ними.
 У караимов на земле
 Своя особая гордыня,
 Но повелось: Чуфут-Кале,
 То-бишь: Еврейская Твердыня.
 Здесь на пещеристом плато
 Должно быть густо на Платонов,
 Но мимо не пройдет никто,
 За исключением разве птицы —
 И здесь Платонам не сидится,
 И море тянет вниз, и вот,
 Туда, где колкий барбарис,
 Ведет толпу экскурсовод,
 И он рассаживает нас
 В тени покинутых кенас.

Бахчисарай . . . Её пупок
 Был совершенен. Это значит,
 Что он не так уж был глубок
 Или обширен и вместим.
 Он был решением задачи
 И как решение — удачен:
 Решивший был бы славен им.
 Воображаемая ось
 Входила в тело без наклона,
 И никому б не удалось
 Истолковать хотя бы что-то
 Как искажение канона,
 Возвысившего простоту —
 И ось служила асимптотой
 Для образующих пупка
 И уходила в темноту,
 Где не было ни бугорка,
 Ни указания на ту
 Ребристость в виде лапки птичьей,

Что нарушает красоту.
Не целевиден — эллиптичен
Совсем чуть-чуть он был.

Дворец

Казался бедным и невзрачным.
Но розы Пушкина свежи
Как восковые.

———○ ○ ○———

Отдаться безмятежной грусти
И течь хотя бы час один,
Как реки истекали в устья,
Когда не строили плотин.

Простить того, кто неудобно
Улегся в памяти пенал,
Припомнить всех, кого бы обнял,
И тех, о ком бы тосковал.

Взглянуть в окно, приметить небо,
Меж пальцев потерять луну
И уронить, чтоб как монета
Она скатилась в вышину.

Мечтать о странствиях, о юге,
Представить море и базальт
И горе замкнутого круга
Излить рисунком на асфальт.

Смешать цвета, добавить черни,
Заштриговать, воспламенить,
В душе услышать дождь вечерний,
А в сердце — жернов и магнит.

Услышать бой оконных стекол
И рокот башенных часов,
И грохот: рядом, вот он, около:
Закрыться на засов!

Нет мире, нет покоя: ломится
Кто-то в грудь или из груди!
Как проснуться, как опомниться
На речном своем пути?

Самарканд

1

Над склепом — Гур-Эмир,
А в склеп легли: Тимур —
Полувселенский плуг —
И сеятель наук,
Его великий внук.
И если стукнет стук,
Он отзовется так:
Улуг, улуг, улуг . . .
Но эхо стука — страх —
Не слышится никак.
Тимур как мертвый спит.
На всем лежит *давно*,
Что тверже чем нефрит.
Здесь видно как в окно:
Над нами — тучей бритв
Над всем, что нам дано —
Давно, давно, давно.

2

В бирюзовом Самарканде,
Где душа недорога,
Месяц слушает команду:
— Опустить! Поднять рога!

А огромная Венера
Без разбору: добрый, злой —
Всем любителям пленэра
В глаз нацелилась иглой.

Словно зал для синхротрона —
Обновленный Регистан,
Где распаду и урону
Приказали: — Перестань!

Подкупающая старость
Продает *зиру* и *нас*,
И лукавинки базара —
Косточки в урюке глаз.

Вьется каменным ущельем
Некрополь Шахи-Зинда,
Где бежит за мнимой целью
Хронологии вода.

Я почти не сожалею,
Что должны пройти века,
Чтоб под сводом мавзолея
Слышно было шутника.

В ту же дудку

1

Опять неурожайный год
И тишина в народном рое.
То у пророков недолет,
То перелеты у героев.

И кажется опять, что ждет,
Всё ждет и жаждет перемены,
И кто-то с неба упадет
И чисто перебелит стены.

2

«Свобода — познанная
Необходимость.»
Что, и гриппозная
Носонепроходимость —
Тоже свобода? Так
Мог бы сказать каждый маньяк,
Каждый взявший вожжи вождь,
Каждая властвующая вошь.
Щелкопер осознал: три года
Необходимо отсидеть.
У нас свобода.
Что сказать нам,
Хрипящим из галстучного узла? . .
Свобода — выбор наименьшего зла.

3

Так уж понесло, видать,
Нас по синусоиде.
Был оплеванным —
Будет обеленным.
Был целованным —
Будет уцененным.
Были времена наркомов —
Стало время наркоманов
Власти. Это как саркома:
Все рассовать по карманам.
В накладных карманах френча
Было. Ныне в тайнобрючных.
Пророк скорбящий,
Интеллигент скрипящий,
Пролетарий корпящий.
Да здравствует раскупоривающий,
Лишь бы не кипящий!
Где гуляли атаманы —
Там глотают витамины.
Разин
Уже не заразен.

4

Пока стоит престол,
А на престоле — сброд,
Престол я не простил,
И я не патриот.

Будь хоть триумвират,
Иль хоть Сократ у стад —
За стадо — гнойный стыд,
И дому я не рад.

5

Спиртом пахнувшая Спарта!
Как свечной огарок — дух,
И тузами биты карты
Всех, кто не потух.

Все — статисты. Всё — сценарий.
Красный бархат лож.
Дух в бараках спит на нарах.
Ложь. Сплошная ложь.

Навеянное

1

Я умял, увял желанье
И на главную дорогу
Потихоньку выхожу.
Вдоль дороги сто печалей
Расстегнули понемногу
Темнокрасные застёжки
Фиолетовых плащей.
Я сорвал, соврал надежду
И хочу остановиться:
Кто была моей невестой?
И была ли мне она?

2

Почему заскрипели двери?
Почему наморозил холод?
Я ищу на простые вопросы
Самый сложный и темный ответ.
Почему перестали звуки?
Почему отогрелись руки?
Потому что ответа нет.

3

Вот повесили красный плакат:
Здесь отведено место
Желающим плакать.
Эта очередь — без конца!
Я вижу: здесь кто-то сильный,
Как опухоль — каждый мускул,
Тело пахнет как мускус,
Но капает слезный уксус
С заплаканного лица.

4

Крепкий мороз
Разминают солнечной ложкой
К полдню.
Он застывает опять
К рассвету.
Он затевает опять песню,
Что долго будет не спета.

5

Спи мой ум,
Спи, анализ,
Всё усни, что начиналось
И обтесывало шум.
Ergo sum?
Не существую.
Уезжаю. Ухожу.
Пусть ничто не урезонит.
Поднимайся, чудный хаос,
Заливайся перезвоном,
Жаворонком трепыхаясь!

6

Ночь — ночная дочерна . . .
В мире — мир дочерний:
Мир-мирок, где ночь верна,
Днем же — запах серный.

Мир рожденный от стихий
Тих как темный локон.
Мажет сажей мастихин
Желтый жемчуг окон.

7

Откуда эта сила,
Что гонит нас как птиц
На поиски единства
И братства единиц?

Пусть даже не от мира
Сего —
Страшней всего квартира,
Страшней всего.

8

Где найти мне такую лиру,
Чтоб из струн струился делирий?
Где набрать мне фраз непонятных,
Чтобы разум пошел на попятный,
Как пасует, насупившись, разум
Перед властным и грубым приказом?

9

На фризах и фронтонах наших лбов
Прочтите нашу горестную опись
И возложите руки добрых слов
На лоб, накапав пальцы словно опий.

10

Тот равнодушно примет час
Последних сборов,
Кто знает: он лишь капля в море,
Всего лишь часть.

Умрет спокойно тот, кто знает,
Что он всего лишь горсть
Воды, земли, песка с Синяя,
Кто только гость.

Вечно немолод,
 Сел за рояль.
 Что в этих струнах
 Я потерял?
 Клавиши пальцы
 Тихо багрят.
 Я пробегаю
 Свой звукоряд.
 Семиконечные
 Звездочки гамм
 Падают светлым
 Пеплом к ногам.
 Звуки да звуки . . .
 Много ли слов?
 Мне по колено
 Палевый слой.
 Розы не пахнут.
 Нем соловей.
 Как все прощально!
 Я — человек.

———○ ○ ○———

Я счастлив еврейским счастьем.
 Причина пришла как большая женщина,
 И все настало, что было обещано,
 И я навсегда уйду сейчас с ней.
 И я чувствую такую легкость,
 Такой просвет в потолочных плитах,
 Как будто взял не ее за локоть,
 А стал на горячий слиток
 Металла, подверженного левитации.
 Как беспривязная пылинка — в танце я.
 О минутная осечка биохимии!
 Как случилось, что в жизненный ликвор
 Не выделяется горечь хинная?
 Эта минута — священнее реликвий.
 С еврейским счастьем медлю в покое.
 Как газ, как свет — выключен анализ.
 Жизнь — счастье. Слава песчинке, коей
 Закупорен гореточивый каналец.

Воспоминания о Ленинграде

1

Все закрывшие лица руками,
Я — с вами. Но сейчас я —
Всего на полчасика — рад.
Я закрою лицо, но увижу: кругами
Как от камня — по памяти — Ленинград.

2

Завывает ветер
И рокочет шифер на балконе
Так как подоконник
Жестью рокотал.
Этот рокот светел.
То окно — икона.
Здесь рокочет шифер
Так, как было там.

3

Всему исполняется год,
Все дни годовалым чреваты,
Повальный осенний окот
У памяти: даты и даты.

Столпились некрепкие дни,
Сплотились в горячее стадо,
И будни зимы не бедны:
На доньшках дни Ленинграда.

4

Кайрос

Последний раз, последний случай:
Когда от бега бог пахучий,
Схватить — и в радости падучей
Отпраздновать, отликовать.

Но как по арфе чиркнут пальцы,
И брызнут слезные каналцы:
Страдальцы станут: наслаждальцы —
И упадут лицом в кровать.

5

Наводнение

Я был не то чтоб в страхе,
Но ко всему готов,
Когда дошла до паха
Вода быкам мостов.

И полон жуткой ртутью
Манил меня канал,
Когда на перепутьи
Такси я проклинал.

————○ ○ ○————

Думаешь о перемене
Как о чуде,
О любви
Как о блюде,
Об обычном
Как о трагичном.
Приходит ярость.
Забирается негодование
На верхний ярус,
Ненависть
Поднимает парус.
Разрезонанс.
Дисбаланс.
Чтобы это пространство опростить,
Нужен акваланг,
Или нужно простить,
Гипертонически любить,
Желать добра:
Приветствия разбегаются из глаз
Как гусиные лапки, как детвора.

Благословения, поцелуи,
Нежные объятия,
Благоухание шеи,
Заросли шалостей,
Шутки и затеи . . .

Легко на эту удочку попасться:
«Я — Моисей с жезлом, начиненным пастой,
О меловую скалу бумаги бью,
Новизну — Моисей без народа — пью.»

Но Моисей, стоящий между
Народом и бумагой,
Иссек бы надежду,
Даже если бы сам этой влагой
Не мог утолить жажду.

Вечерне-зимний пейзаж

1

Это мой дом
С пятиэтажным лицом:
Пять пар глаз
Горят с торца
Пятиэтажки —
Пятиэтажного лица?
Пятиэтажной морды?
Волка? Дворняжки?
Воздуха сжиженный газ
Скоро станет твердым.
Нос работает на износ.
Это мой дом.
Это мой мороз.

2

Я прихожу с непонятным
Как с музыкой или формулой.
Но у каждого свое непонятное.
У других ватно не сдавит горло:
«Витиевато . . .»

3

Варюсь в вере и в неверии в себя.
Игрословие
Ловит меня, гири вяжет к ногам:
Приятное, заманчивое.
Отпрянуть от него в аскетизм —
Единственное, что не затаскано.
Но размоченный
Сухарь слова
По вкусу только пресыщенным.

4

Тысяча дней,
Тысяча дат
Проходит так,
Как проходит
По одному
Тысяча солдат,
Помогая локтями и кулаками,
Протискиваясь по тесному
Коридору,
Забитому всеми нами,
Стоящими в очереди
К суровому прокурору.

5

Кружится жизни кружало:
Черный бочок, белый бочок . . .
Сколько суток вбежало
Смерти в сачок?
Будущего держава —
С пяточок.

————○ ○ ○————

Парадокс Рассела

1

Брадобрей, который обязан брить
Только тех, кто не бреется сам,
Относится к логическим чудесам,
Ибо бреется или не бреется он,
Всё равно нарушает логический закон.
Знаете, кто этот брадобрей?
Русский еврей.

2

Одни глядят на звезды,
Другие лепят гнезда.
Гнездо сбивают палкой
Рано или поздно,
А звезды остаются
Еврейам и гадалкам.

3

Мы — самые нежные цветы:
Теряя самообладание,
Первыми вянут наши кусты
К похолоданию.

Мы — самые стойкие цветы:
Снегопад миновал,
Снегом вал
Над рвом заметен,
А мы цветом.

4

Там, за дверьми — евреи:
Выходит множество скрипачей.
Там, за дверьми — евреи:
Входит множество палачей.

Там, за дверьми евреи.
Заперты двери. Слышен смех.
Там, за дверьми — евреи
Плачут без помех.

5

Болезненно, бессильно беспокоюсь:
 Разбросанный где редко, а где густо
 В мою страну народ мой врос по пояс:
 Мерещатся бесчисленные бюсты.

Их юные и сморщенные лица
 Застыли. Затвердели даже дети.
 Оббитые носы. А о глазницы
 Прохожие гасили сигареты.

И пепел свеж. И смыло поволоку.
 И в землю погружаются бесстрастно
 Не памятники временам далеким,
 А памятники дальнему пространству.

6

Танцуй, еврей в подпалинах
 Под свист и под коньяк!
 Какой еще оскаленный
 Прославленный маньяк?

Храбрись, еврей, доказывай,
 Молись, еврей: «Избавь!»
 В какой еще там газовой
 И камерной из бань?

7

Дай Бог тебе, грядущий еврей, дай Бог,
 Когда придется переступить последний порог
 Последнего омовения, как уже было,
 Дай Бог — ибо некому больше — дай Бог
 В руки спасительно лгущее мыло.

8

Отец своих детей,
 Еврей своих детей
 И сухопутных странствий
 Лукавый Одиссей,

Мудрец, отец, наглец,
Беглец, борец, беглец,
Дошел до океана,
Что дальше, наконец?

Ты плавать не привык,
Ты потерял язык,
И дно не обнажится —
Сошел библейский шик.

Надежды нет для душ,
Для ног нет больше суш,
Есть только перевозчик
И он срывает куш.

Чтоб жить на дне морей,
За жабрами, еврей,
Отправь на небо души
Потерянных детей.

9

И снова эта тема,
Как око Полифема
Толкает: ослепить!
В узорах полифоний —
Мелодии агоний
И слышно: мама, пить!

О том сказать, о том бы,
Что пеплом гекатомбы
Никто не ублажен:
Рыгнется как корове
Солоноватой кровью,
И вкусен кто сожжен.

Я весь как в паутине
В единственной причине,
По коей я еврей:
По ней меня отыщут
Когда запросят пищу
Рты новых лагерей.

10

К чему эта сизифова работа:
Искать корни нашего креста?
Я еврей не потому что: то-то и то-то,
А потому что: та-та-та-та-та.

11

Бывает овцебык.
Еврей — как отцемать.
Детей как отнимать?
Их надо отцепить.

— Взаимопониманием
Еврея мы поймаем:
Мы наци — детям — наци —
ональность поменяем.

Он, истекая лаской,
Продаст свою Аляску.
Его уже не спросят:
«Отец, как дальше жить,
Когда под корень косит —
вжик! — косит слово жид?»

12

Впервые в мире!
В Великой! И Малой!
И Белой! России!
Решен парадокс:
Последний еврей
Сдох.

—○ ○ ○—

Читая Пастернака

1

Я никакой не Прометей:
Я Прометей во снах.
Но кто я наяву? Протей.
Я сменой форм пропах.

Мне хочется явиться всем
Из фона в зеркалах:
Я был бы всеми. Сам же — нем
И в дымчатых очках.

2

Как повеленье: оперись! —
Как дарит яблоко Парис
(Или как дарит змей?)
Как яблоко или клубок
Страстей или как горсть камней —
Так мне подарен Блок.
И я с тех пор как водолаз
Средь будней и домов,
Хоть красота не поддалась
И ключ не найден для умов
И на губах замок.

3

Расти! Рождаться непохожим,
Лелея смены кож микроб.
Расти! И сбрасывая кожи,
Топтать ногами кож сугроб.

Отгалкиваться от всего, что
Однажды было! Красоту
Пересылать вперед по почте,
Опережающей мечту.

4

Пробираться яко тать
В темь, где глаз как выколот?
Барабанить, скрежетать,
Верещать как пикколо?

Может быть и то, и то . . .
Если в роли витязя
Слаб кулак. Велик зато
Зуд и голод синтеза.

Харьков

В стиле Танка

1

Замазал стекла
Сплошной казенный иней.
Сверху — намокло:
Голубизна проникла
В матовый алюминий.

2

Как живая тварь —
Осмысленная фраза.
Генофонд-словарь
Открывается как дверь
Во все поэмы сразу.

3

В смертные штормы
Пойдем под парусами.
В намордник формы
Влезем, упав со сфер мы,
Но сами, сами, сами!

4

Поэт — тайный мим,
Лицом танцует балет,
Которым томим.
Если намеки пойдем,
Значит, скрыт и в нас поэт.

5

Белые ноги
Вдоль железной дороги
Стоящих берез
Чернеют: мороз? надрез?
Ступни обуглил некроз.

6

Хотя бы маркой
Дал о себе знать город,
Где снег не маркий.
Нас настигает голод
По умерщвленным меркам.

7

Мрак логики лих!
Слабенький и тоненький
Почему жив стих —
Мак антиботаники,
Сын силлаботоники?

8

Мне в полушутке
Так надежно, так жарко,
Как в полушубке.
Сделать бы пол-ошибки . . .
Так не бывает.
Жалко.

9

Что грядет — гряди!
Из досок велосипед.
Впереди — распад.
Когда побегут назад —
Окажемся впереди.

10

От сих и до сих —
Забыто, раз есть досуг.
Множить дух — недуг.
Число лежит на весах,
Рожденное без потуг.

11

Узкой ладошкой
Слизывается жар лба
Словно ледышкой.
Вдетый в лодыжку
Лишается взгляд горба.

12

Целовальные
Зазубренные места —
Как вокзальные
Перекрытия, мосты.
Такие вблизи уста.

13

В паданцах — крона,
Виноградник — в изюме,
Бела ворона,
Камень на склоне замер . . .
Причина — ось безумий.

14

Южный кипарис
И сладкий запах лоха
Учат: покорись,
Забудь о льдах эпохи,
Ищи тепло успеха.

15

Это тишина:
Шинное шелестенье,
Звоношипенье,
Пенье засыпания,
Рассыпание пшена . . .

Рецепт лекарства
 Мы вряд ли сможем найти.
 Скупое и черство
 Напишем книгу царства,
 Лизавшего до кости.

Я выселен, я высеян
 На твой агар-агар,
 На твой осеннелиственный
 Подсоленный загар.

Я оказался горечью:
 Вокруг меня мертво.
 Я — глубоко под городом,
 Как линия метро.

Заклятие от призраков
 Скорее изреки!
 Но ты даешь мне яблоко
 И кормишь из руки.

Еврипид

Пред Менелаем — Андромаха,
 Перед Тезеем — Ипполит . . .
 Последняя отвага страха
 Сгорает, чиркнув как болид.

Остервенясь и взъерепенясь,
 Осатанев и взбеленясь —
 Мы не отцепим как репейник
 Судьбу, вцепившую в нас.

Возможно ль, чтоб одною просьбой,
 Литса бумаги не сместив,
 Переписать нам удалось бы
 Свой неотвязный лейтмотив?

Ни просьба, ни мольба, ни довод,
Ни скрип, ни слезы, ни творец —
Один поступок — голый провод —
Оставит на судьбе рубец.

Странно, что кто-то смотрит
В кого-то издалека
И видит там смотры, парады,
Башни и облака.

Как странно: чьи-то ады
С подветренной стороны
Кому-то: чады и смолы
Не пахнут, не страшны.

Как странно, что кто-то долу
Глаза опустив, стремится
Себя к приколу, иголкой
Летя на магнит.

Из письма

М.В.

Живу отнюдь не как в романах,
Но все же жаловаться грех.
Что год — то новых сто прорех
Я нахожу в своих карманах.

Я — неудачный рыболов
Среди недвижимых ста удилиц,
Но для меня как сто училищ
Сто бездыханных поплавков.

Но что ни год и что ни день —
По темя окунаюсь в роскошь:
Изголодавшимся подростком
Вкушаю эту роскошь: лень.

Не делать ничего, что хоть
Немного бы надоедало!
Я называю идеалом
От принуждения уход.

Я запираюсь на засов
Ресниц, или за дверь страницы
Шмыгну, или глазеть на лица
Пойду. Но лучше — дым стихов.

Слова — окно в меня. Смотри,
Что там виднеется за словом:
Весь мир охапкой лап еловых
Мне колет душу изнутри.

И если занят я собой,
То исключительно постольку,
Поскольку хвойные иголки
Обагрены моей судьбой.

Но если спросишь: А удар?
Расплаты? За повадки трутня?
За праздник выпитый из будня?
Найдет меня, ан я уж стар!

И все же я — пчела. Но мед
Мой странный. Он — увы! — без пробы.
И сладок ли? Да в нем микробы!
И мед ли? Кто его поймет . . .

Стихи одной ночи

1

На подоконнике гастронома
Где водка и вонь,
Качается кто-то в висячей дреме,
С лицом как гармонь.
И много других
Краснеют мясом из-под щек.
А тот — зачах,
Как трижды выварен во щак.
Иной — с лицом
Как кулак.
Гастроном
Полон земным жильцом,
Сделанным кое-как,
Жажущим стакана:
В стакане — пир.

После стакана — шикарно.
Лучшее в мире — спирт.
Так мы, другой конец
Человеческого веретена,
Жаждем свободы,
Правды,
Как жаждут вина.
Им дух, и нам дух.
У нас и у них видна
Из-под надбровных дуг:
Проигранная война.
Между ними и нами —
Толстая середина
Веретена.

2

Что же делать, что же делать?
Ум — на сбой.
Только это, только это:
Жертвовать собой.
Кто-то создан, кто-то создан —
На лбу печать:
За все на свете
Отвечать.
Не все ли равно,
От рака или от рук
Мычать?

3

Тот свободен, кто очень богат,
И свободен, кто очень беден.
Посреди — ходуном бока
Колесованной белки.

4

Верящая молодость:
«Деятельность — всё!»
Только ею вертится
Жизни колесо.

Старость азиатская:
«Деятельность — грех.»
Ощенься, инерция
Мирно кормит всех.

Молодость — шеренгами
Старость — невпопад.
Кто же мерно молотом
Грохает в набат?

5

В мечтах и сожалении,
Полузакрыв глаза,
Пройдет над населением
Блаженная гроза.

И в бедности, и в краткости
Умерив разнобой,
Заменит свежей радостью
Довольствие собой.

Как во внутриутробии,
Пройдя десятки эр,
Почуют до надгробия
Ветра из эры вер.

Умами ли, глазами ли,
Умаявшись от плат,
Поймут иные замыслы,
Впадут в иной уклад.

Что некогда утратили —
Найдут среди затей.
Прольются демонстрации
С рисунками детей.

6

Как быстро меняют форму
Всемирные облака!
Кто-то верит упорно:
Жизнь бывает легка.

7

Глаза человека
И тело —
Еще нам надолго опора,
И тела медовые норы
Еще нам и кров и опека.
В нашей судьбе роевой
Обряды и поиски пары —
Как камни в часах
И как оси.
Хотя умирают вопросы,
Но все же — опора в глазах,
И тело — удар, но не кара.

8

Как соловей и роза
Для Востока,
Так *памятник*
У нас до Блока.

А после Блока
Век-калека
Твердит одно:
Фонарь, аптека.

9

Видно, требует организм,
Как витамина, как соли,
Хотя бы лизнуть оптимизма,
Хотя бы в мельчайшей из толик.

Сердце, свое оттомись
И отдохни — пусть в миноре —
Слушая свой атомизм
В хоре.

Погода не морозная:
Не иней: конденсат.
На стеклах лампы звездные
Размоченно висят.

Сверчок из холодильника,
Сверчонок из часов:
Домашняя идиллия.
А двери на засов.

Я, зная только знанием,
Что грязен скудный снег,
Дам белым альфам заново
Закрасить слой омег.

2 – 3 января 1976 года,
Красноярск.

—○ ○○—

КАДЕНЦИИ

⌘ 1 ⌘

Жизнь — концерт для меня с оркестром.
Исполняется без репетиций
В диапазоне между Богом и кесарем,
Между *медлить* и *торопиться*,
Между медью газетных фактов
И флажолетами интимных междометий,
Между малым — гражданских актов —
И большим барабаном — смерти.

Жизнь обычно играют по нотам
Написанным допотопно давно:
Редко — головоломный пассаж,
Часто — изнурительные длинноты,
Редко — божественные длинноты,
Часто — трели потерь и пропаж.
Резко — колокол: «Все равно»,
Концерт — состязание с целой ротой,
Дело мое обречено:
Оркестр безупречно сложен,
Знает партии назубок,
Бесполезно пытаться даже
Намекнуть, что и я — как Бог.

Но момент
Наступает:
Умолкает
Наимеднейший инструмент:
Мне дает прецедент
Право каденции:
Право исповедаться,
Право мечтать и просить,

Право сожалеть,
Право бросить вызов,
Право разъярить оркестр,
Право сумеречного бормотания...
И снова — литавррррокотание:
Исчерпан лимит свободы.
Дальше не интересно: кода.

∞ 2 ∞

Тебе не кажется, что все упрощается,
Скажи, скажи!
Укрощаются, уплощаются
Надежды, мятежи?
Тебе не кажется, что утихают
Острота, жар?
Что дорожает все охаянное:
Простота, шар?

Где крылья были — на лодыжках — краники —
стекает сок —
по снегу если — в снег — по побережью бег —
мы странники — в песок?

Что нет тревожного: горим? чадим?
Не все равно ли: чад? дым?
Что каждый — невредим:
Мы и они, кто нас
Касался час — раз час погас?

Что нет трагизма: списки, график, инвентарь . . .
Что есть судьба — об этом греки знали встарь?
Что есть любовь, есть любовь, есть любовь,
Но только нет в ней свойств иисусовых хлебов?
Мы гладкие, мы внутрь иглками ежи,
Тебе не кажется? Скажи, скажи!

Я думаю, что есть один рычаг,
Чтоб тихо — не рыча, не скрежеща —
Перевести на рельсах мира стрелку
Без революций, рубящих сплеча,
Не разбивая судьбы как тарелки.

Мы видим, что науки вилы
Суются в тайну жизни, как в солому,
Где прячется последний конокрад,
Какого всем селом ловили, —
К головоломному живому,
К уму, к загадке силы воли —
Ума туманнее стократ —

И власти обнадеженные ждут,
Когда изобретут еще один хомут.

Отыскивая эликсир,
Чтоб осчастливить мир,
Ученый медик,
Помедли!
Благодеяние продлишь
Ты сильным лишь.
Дай средство
Опереться
Слабым,
Чтоб жизнь могла бы
Одним усилием воли,
Без боли,
Одним желаньем —
Тихо прекратиться.
Ты дашь людскому роду
Свободу
Птицы.

Всегда свободны сильные,
Лишь слабые — в темнице.
Тем сильные сильны, что держат на границе
Меж гибелью и жизнью тех строптивых,
Кто вместо ненавистей молчаливых
Им ненависть выкрикивает в лица.

Тем сильные сильны, что отнимают смерть
У заключенных и выдают по капле смерть,
Дробят на крошки и кормят ею так, чтоб смерти
Вкус — страдание — все пересилил, чтобы смерть,
Как керосин в реке, плыла цветными облаками
По времени, измеренному болью.

Тем сильные сильны, что не боятся смерти,
Пока не властвуют. . .
Но слабые? . . .
Нельзя, чтоб отбирали
Еще и смерть у слабых,
Еще и смерть:
Опору, твердь,
В трясине — жердь,
Спасенье жертв?

Основан мир на равновесии добра и зла,
а зло наукой крепнет, себя воспроизводит
по науке, добро же как трава, оно —
явление природы, а природа? она права,
но не сильна.

Ведь сила слабых — бегство.
Нет свободы, когда нельзя уйти.
Земля уже мала, и нет Америк.
Есть смерти материк, который не измерить,
Но надо проторить пути.

Наука! Дай нам смерть, рычаг свободы.

Мы им
Не злоупотребим:
Нам одного хватило б:
Сознания силы.
Мы не победим,
Но выживем.

История есть логика убийств,
Ее творит какой-то бог-энкаведист,
А разум ошельмован как нудист.
И в этой свистопляске не судить

Заветы Гиппократы?
Когда надзор над пыткой — долг врача?!
.....
Мне кажется, что есть один рычаг. . .

☞ 5 ☞

Густая тайна пола проста: всех
Делит на две различные части секс.
Но можно иначе людей рассечь,
Если о дихотомии речь:
Сила——слабость может в основу лечь.
Сильный — не значит только сила плеч,
Слабый — не значит только слабый плач.
Порой сильный — жертва, а слабый — палач.
Сила——слабость — чудесная палочка
Для раскладывания по полочкам:
Сильный находит слабого
И берет его, а тот отдается.
И наслаждается сильный — властью,
А слабый — горечью.
Браки их тайные и зловещие,
А потомство их — вещи, вещи. . .
Человек — это сила: вектор.
Заострена и оперена жизнь человека,
Ветер — всегда боковой ветер,
Смуты попутны, встречны заветы.
Сильные — обоюдо-
острые, слабые — обоюдо-
тупые. Равенство севера и юга,
плюса и минуса, но чудо:
неравенство полов. Откуда
такая асимметрия? . .

Детство кончается осознанием пола,
Но путь к осознанию другого пола — долог:
За годом год, за осколком осколок:
Выпадает витраж. Разъедает щелок
Наслоения будущего. Остается осознание,
Выпуклое как рельеф под осязанием.
Слепые читают шрифтом Брайля:
Братья! Вы разного пола, братья.

5

Перемена мира!
Как мы надеемся на нее. . .
Как на перемену погоды.
Но приходит погода,
Какая уже однажды была,
Пусть даже сто лет назад.

Наше время
Обещает всемирный пожар,
О нем возвещает вероятность,
А для некоторых вероятность
Весома как стальной шар,
Отягчающий ладонь.

Вероятность и надежда —
Они то вместе, то врозь.
Но некоторым чудится конец,
Который однажды все же придет,
Как сказочный волк,
И утащит в зубах земную ось.

Некоторым чудится конец,
Потому что все меньше свободы
И все больше порядка,
Потому что все меньше погоды
И все больше климата,
Все меньше воздуха и природы,
И все больше атмосферы и насаждений,
Но некоторые думают,
Что столько же, сколько было прежде
На душу населения
Свободы и счастья,
Столько, сколько на душу населения
Мозгов и позвончиков,
Ибо у каждого свое,
Ибо незыблемы и повсеместны
Законы сохранения.

Наши радости —
Довольство ребенка
Материнским молоком,
Наше одиночество —

Страх покинутого в темной комнате,
Наше недовольство —
Давление тугих пеленок,
Наше чувство трагического —
Плач ребенка,
Уронившего игрушку за колыбель.
Мы — взрослые дети,
Потому что игрушки новые,
А потери прежние.

Некоторые спрашивают:
Почему?
Некоторые спрашивают:
Как?
Многие спрашивают:
Когда?
Но большинство — дети,
Познавшие совокупление,
Или старики —
Больные, нахохлившиеся дети,
Которым все не так.

Сколько среди нас
Сытых, чистых, обласканных и свободных?
Если их больше с каждым годом,
Значит мир меняется к лучшему.
Сытость, чистота, любовь, свобода —
Бесплотные как даты событий —
Вечны и неизменны,
Но меняют кожу
Голод, грязь, ненависть и рабство.
Не это ли есть прогресс?

Не стареет мудрость Экклезиаста.
Мы живем, пока мы желаем,
И близимся к смерти,
Теряя желания,
Не как дерево — листья,
Но как туча — дождевые капли.

Разбит сон:
Гитарный звон.
Звон гитарный:
Страшнее звон
Чем мегатерий
Что не зван.
Под танковый трак
Попало звено
Снов сившихся так
Таинственно.
Кажется: всё так давно,
Кажется: так незапамятно,
Но: как свежее пятно
На памяти незапятнанной.
Замерло: чур меня!
Замерло: ну тебя!
И стянуло крепче ремня,
Крепче обруча гнutoго.
Не сбилось в войлочный ком,
Не спуталось бахромой шали,
Не выдуло сквозняком,
Но все же смешалось.
Так во вне слилось,
Как въявь не слилось бы:
Одна — не исполняющая просьб,
И другая — исполняющая просьбы.
Кто-то гитарой
Зазвенел в три ночи.
Кузнечик старый
Опять стрекочет:
В ушах опять:
Не спать, не спать,
Скоро пять.
Часы скрипят:
 Стоически
 пора терять
 свои часы,
 добром, не злясь,
 и бережно
 рвать связь
 быльи с теперешним.

Кто ты, женщина,
Которая нашлась?
Огромный кремовый корень женьшеня,
В родинках налипшей земли.

На тебя глядят пуговицы глаз,
Прошитые черными нитками,
А зрительный пурпур—засвечен .

Позвякивая минутками-монетками,
Жить в трамвае тебе навстречу. . .
Соскок.

Бедные пальцы
Не выдержат взгляда твоих сосков
И пойдут: слепые скитальцы.

Не будет ни лунно, ни лонно:
Известно все на память:
Дорогами наклонными
Долго падать.

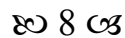
Что же такое—музыка?
Когда—забыв об обмане,
И будто вечны мы,
И ничего—между нами.

Это—как
Забвение с соучастником, как
Исчезновение с дубликатом, как
Воспоминание о папоротниках,
Мужчине—как
Посмертная канонизация мученика,
А женщине—
Как неуязвимость в поножовщине,
Наслаждение лезвиями в сердце.

И вот оно: увидели, схватили,
Двузубые вилы—вонзились—два тела,
Вот оно: вытекло как желток светило,
Что невыносимо витало,
И вот оно: остыло, остыло.

Оно научило нас познанию:
Долго добывать, утомленно меняя позы,
Удовлетворение открытием,
Долго добиваться вершин власти
И сладко мучиться могуществом,
Долго и дорого достигать совершенства,
На обороте которого—сомнение,
Оно—амулет от тех времен,
Когда мы не были людьми,
Амулет, хранящий нас для будущего,
Маленький колокольчик,
Теряясь, он тихо звякнет:
Пора в дорогу.

Так кто же ты, женщина,
Которая нашлась?
Каким движением
Втиснуться в кожу твою и из глаз
Выглянуть воображением?
Самое сложное—понятно:
Беременность: так зреет и толкает
Под сердце любовь. Роды: так дорого
Стоит сопротивление.
Но как ходить, не стаптывая каблуков?
И как наматывать груды клубков,
Вытягивая сразу из десяти грубоголых
Кадыков
Шелковые нити вождения?

Говорим о смерти,
Ничего не зная о ней,
Кроме: велика и таинственна.
Посыпаем, как пряностью, жизнь,
Чтобы дразнила острее,
Насыпаем битым стеклом в башмаки,
Чтобы бегать быстрее,
А быстрее всего бежим
За красивым и живым.

Знаем всё о кончинах других,
О кончинах, в которых конец, редко-редко—начало.
Много знаем о смерти Христа и шести миллионов других.
Технология—от молотка и гвоздей до циклона.

Если бы мы умирали трижды, четырежды, вдумчиво. . .
Но смерть—если реаниматор—такая не в счет.
Это смерть, но не гибель.

Мы не знаем смерти своей.
Но прибегнем к модели:

Вот она, над болотами. Тронемся медленно к цели.
То не туча темнеет, а рой комариный,
Камерно, струнно шуршит он, еще засурдинен,
Каменно, струпно плотнеет он в середине.

Вот комар одиночный, не бойся, вряд ли укусит он.
Кастаньеты—отдаленно. Ксилофон.
Еще пара. Близимся. Запах: озон.
Зона насыщена вероятностью—ее запах и звон.
Вон их сколько! Какие—наши? Фагот.
Фатум. . . Вот еще. Медь. Литавры. И вот, и вот!
Сколько осталось? Секунда? Год?
Когда? Куда? В голову? В живот?
Как? Рак?
Стало темно, не видно неба, не видно пути.
Еще живы, прошмыгнуть где бы, где обойти?

Гибель—переход вероятности в достоверность.

Амебы бессмертны. Они делятся. Мы слишком сложны.
Только наше семя может проскользнуть сквозь кома-
риный рой. Семя—маленький хвостатый герой, тучную
героиню увлекает азартной игрой, неповоротливую
разиню. Они—по ту сторону, за горой. Спасены!
А мы? А мы?
Мы тоже хотим!
Мы боимся тьмы!
Заклинание: !митохежот ыМ-М-М
Утешение: семя разума—
Слово наше пошлем,
После смерти не сразу мы,
Мы не сразу умрем.
Яйцевидные головы
Подставляют зрачки,

Мысли ткнутся уколами
Мимо дырочки. . .
 (Найдется ли кто,
 Чтобы из витатеки украл
 Рулонотом
 Моих рациограмм?
 Я не хочу,
 Чтоб застыл
 Сток моих чувств,
 Мой Стикс—стыд!)

Свободы—воды!—свободы—воды!—перу.
Тогда не умрешь, тогда не умрут, тогда не умру.
Свобода—ключ, свободой—дверь, свободой—смерть отопру.
Свободу—тайне, свободу—перу: свободу смерти—так не умру!

9

Глагола ей Иисус: даждь мне пити.
Глагола ему жена самаряныня: како
ты жидовин сый от мене пити просиши,
жены самаряныни сущей, не прикасают бо
ся жидове самаряном.

Иоанн, 4. 9.

Девушка с еврейской фамилией
Не носит шестиконечной желтой звезды,
Она носит шестиконечную желтую фамилию.
Если она приведет парня, родители спросят:
А ид? А гой?
Юноша входит в трамвай нагой,
Если у него шестиконечное желтое лицо,
Трамвай едет по южным штатам,
И все показывают пальцами и раздувают ноздри.
Получатель хорошего пятиконечного паспорта,
Куда ты денешь своего желтого шестиконечного отца,
Или шестиконечную мать?
В коробку из-под конфет?
Даже ранние стадии рака обнаружит рентген анкет.
Ребенок, спрашивающий, что такое жид,
Тебе объяснят, но все равно надо жить.
Знай, что Федор Михайлович,
Возможно, заступился бы за жиденка,
Если б того—собаками . . .

Нет заповеди «отомсти».
Нет даже «заступись», знаю.

Прежде евреями были молящиеся Адонаю,
Сегодня еврей—рожденный от еврея.
Что же будет завтра?
Евреями назовут всех, кто помнит
И кто скорбит о шести миллионах,
Кто помнит,
Как если бы всех убил собственноручно,
Кто верит в убийство шести миллионов,
Как христианами называют тех,
Кто верует во Христа.
И в анкетах будет загадочный вопрос:
Что такое 6000000?

❧ 10 ❧

Заполнен зал, а был пустой,
И к нам пустили на постой,
Ах нет, простите, виноват,
К нам на подсад. (Или подсад ?)

Не слушатели и не зрители,
Здесь кушатели-посетители
Напитков и разнообразных
Копытных и ракообразных.
(Перед постелью—восхитительно:
Креветки хвост обесхитиненный).

Распробуем, каков на вкус
Подъем, который—спуск.
Отведаем, какого перца
Нехватка в скерцо
Бьющегося сердца.

Посмотрим . . .

Далеко пойдут бокалы
С такими округленными боками .
Ах, ну что за рюмки,
Бедные угрюмки!

К черту *потом*,
Постное ли *потом*,
Потное ли *потом*,
Потом — хоть потоп.

Улыбки ярко-кукурузные
Сверкают — зубы в пять рядов —
У всех здесь: у экс-Гебы грузной
И у эксгибы молодой.

Вот вино, ах, вино, вино,
Положение спасено!
Это просто невиданно,
Это просто такой восторг,
Изуми/утоми/тельно!
Восхити/отврати/тельно!
Не мир — именинный торт.

Камнем на мне всегда висело
Вино и всяческое веселье . . .

Мне здесь не нравится, я не приноровлюсь,
Я с муравьями не примуравьюсь,
Я скучный, не примусь я не привьюсь,
Я дикий, я пчелой не припчелюсь,
Но попробую: челюсть в челюсть.

Вот и семь христов — оркестр —
Волооко взглянули окрест . . .
Ударник — по потомкам тары
О дар! — наносит за ударом
Удар, пар от пар, ты — там,
Труб зев, дев зов, там-там,
Я бы — но нет — дабы не — от-топ-тал.

Эти ноги, они такой длины:
Телескопические вышки нужны для них.
Эти лица, они застеклены
Глазами, что — ах! — судьбу кляни.

Сюда идут, чтобы не быть одним,
А мое одиночество громоздкое как холодильник —
Что мне делать с ним? —

Осталось дома,
И ждет, урчит как кот,
Ждет когда мы вдвоем придем, и ждет,
И жрет уйму энергии, жрет.

Я одинок, я одинок,
Но это ложь, но это ложь,
Душа — как вафли: от галош.
Смети скорее в уголок
Салфеткой крошки родинок.

Пойдем, прошу, пойдем!
Пойдем, помокнем под дождем!
А это кто, под потолок?
Я безголос и злоязычен,
А он — колосс и зело зычен.
Да здравствует цыганщина,
Стаканщина и пьянщина,
А женщина, коленщина,
Поклонщина и лонщина
Сегодня — уголовщина.
Эх, вот бы коня
Да как сволочь резвого!
Не смотри на меня
На как сволочь трезвого.

❧ 11 ❧

Мы дети случайности чистой,
Мы числа, мы числа, мы числа.
Случайность над нами нависла,
Мы числа, мы числа.
Случайность, противница смысла,
Мы числа.
Характеры, свойства и взгляды —
Разряды, разряды, разряды,
Привычки, надежды, разлады —
Разряды, разряды,
Способности, мышцы, гонады —
Разряды.
Кто знает, какой мы величины?
Если кто вереница нулей —
Пожалей.
Если кто из девяток нить —
Поклонись.
Мы числа и все мы равны.
Мы числа, мы все не равны.
Утешительно и приятно
Думать, что мы равновероятны,
Что случайность всеядна.

Но случайность — заурядна,
И всякая крайность
Случайнее чем случайность.

Нечетные мужчины
И женщины, делящиеся надвое,
Нация делящихся на три
Партия делящихся на тринадцать,
Клуб делящихся на тридцать три,
Ячейка делящихся на пятьдесят три . . .

Но вы, делящиеся на все числа
Вплоть до ста двадцати пяти,
Как вам друг друга найти?

Как встретиться, не веря своим глазам, с обмороч-
ным сердцем, надеясь и пугаясь, выложить друг за
другом общие сомножители, вывернуть карманы и па-
зуху и показать, что ничего не осталось потайного?
А вы, делящиеся на все простые числа мира, как вы
Узнаете, что вы это вы, если жизнь коротка? . .

Мужчины и женщины, сероглазые и кареокие,
поверхностные и глубокие, разносторонние и однобокие,
вялые и бойкие, слабые и стойкие! Между вами двойка,
двойка, даже когда койка, даже когда сдвойка, даже
охая и ойкая, все равно — двойка, двойка, двойка!

А мир трансцендентного и иррационального —
Мир идеального? . .

Мысли, желания?

И если слеза скатывается от воспоминания,

Мы утверждаем привычно,

Что мы — первичны?

Лучисты, речисты, плечисты —

Мы числа, мы числа, мы числа,

Нечестны, несчастны, нечисты —

Мы числа, мы числа.

Кто мучится, мечется, мчится —

Мы числа.

Прошло или будет?

Пророчества, мифы,

Во снах человеческих

Не числа, но цифры

На тонких предплечьях.

Мы числа: сгорело. убито. повисло.

Мы числа.

∞ 12 ∞

Милостыня тел
молодость лица
пачкают как мел
как пыльца
мотылька
кожа щедра
мелькать
зрело
срезается зрением
цедра
тела
как лезвием ножа
свежа
брызжет ароматами
масел
как кровью мясо
на тавромахии.
Пачкают как мел
как моль
держат как мель
как мол
что после миль мил
как вязкость смол
хватка трех омел
земляник меланин
истомил.
Пачкают как мел
как крахмал
жасмин ошеломил
хмель
жалит как шмель
защумел
в глазах защемил
изломал
как кариес эмаль
всё смял
смёл
и улетел
за тридевять земель.

Что же случается с нами после смерти?
В постели или у стенки?
С бессмертием как быть?
После косьбы?
Куда?

Ждет вода, когда мелькнет наша молекула,
Впадая в океаны:
Варианты и варианты.

Мы возвратимся в варианты,
В океаны духа,
Без которого во рту сухо,
С которым во рту горько.

Тянулись водяные ниточки
Наших судеб из пуговок-бугороков,
Тугие водяные паутинки
В бусинках
Мгновений-пузырьков.
Мы — те, кто были возможны,
Мы — те, кто стали.
Устали ткать бугорки-железки
И перестали.
ВОЗМОЖНО и ЕСТЬ — не тезки,
Но как мы не замечали,
Что отчества их совпадали?
Вечна влага нашей возможности,
Как влага любого камня,
Бытие — звездопад мельканий,
Но не только материя суца,
Она — лишь суша
В океане вариантов
И вечных тем,
Черпающих из судеб и тел
Формы для вариаций.

Нас не было,
Но для нас капельки
Копились в копилках
И закипели:
Мы поспели. Явились. Трубы пропели.
Мы возвращаемся. Тело — в илы и сапропели.

Мы возвращаемся. Копилки разбиты.
Кому перелита кровь нашего варианта?
Только талые воды таланта
Облачком полетят? Нет гарантий.

Вода превратилась в кровь однажды,
Кровь для воды — только одежда,
Нет нужды
Множить чудо дважды и трижды,
Чудо творения.
От растворения нет лекарства:
Невозвратно наше сочетание отверстий
На перфокарте,
Как брошенный в море перстень.

❧ 14 ❧

Я говорю: мы.
Но кто такие — мы?
Во что мы верим?
Какими токами
Общаемся?
Приветствуем или прощаемся
Какими знаками?
Какими праздниками
Размечаем год?
Мы — некие масоны?
Или наоборот:
У нас
Всё напоказ?
Особые фасоны
У наших мод?
У нас есть дом?
Мы что, семья?
Или я прячусь так за нас,
Как демагог
За волю масс,
А сам я одинок?

Никто из нас не одинок!
Никто из нас не ищет средства
От одиночества, наоборот,
Мы ищем средство от соседства —
Чужие локти, зад, живот
И лозунгом плюющий рот,

И топот плотных толп, и пот
И всё что гонит, душит, жмет —
И средство от соседства в бегстве
Находим.

Никто из нас не мизантроп!
Никто из нас. Наоборот,
Мы тянемся, себя увеча,
в сердечное и в человечье,
и спину и живот и плечи
обожещаем
рот без речи
и волосы и голоса.
За малый колосочек ласки
размолвки как ломовики
тащить согласны
но звенят звонки.
Общением умывшись наскоро,
Мы возвращаемся в диаспору.

Никто из нас не помнит царства.
Откуда мы произошли?
мы не рассеялись, а проросли,
где и не вспахано и всюду черство
прикосновение земли
такое чувство
что нас унизили
и часто
мы злы.
Не от лучей ли злобы и коварства
мы мутанты ? . .
Не чаще, чем у прочих, среди нас таланты,
мы всякие, мы не элита из элит,
мы те, кому за все болит.
Мы — неблагополучные.
Мы живы, но не прижились.
Мы сыты, но не прижились.
Одеты, но не прижились.
Мы мертвые в своей стране.
И голодают наши души в своей стране.
И голые среди овчарок мы в своей стране.
К нам здесь иммунитет.
Мы не отверженные,
но отторжение затверженным
в конечном счете торжествует:
Мы несовместимы.

С нами
Несовместимы
Системы и режимы
И даже — это тайна — кто любимы.
Мы несовместимы.
Только через дух —
Общение. Через подушку
Из духа.
Рассеянные — мы сильны
И неискоренимы.
Мы — неподатливы.
Но мы несовместимы
И все-таки терпимы
С нашим геном бегства:
Изведал мир так много бедствий
Куда страшней чем мы:
Страшней чумы!
И нас еще с земной кормы
Не сбросили,
И тканью из асбеста
Храним мы дух средь холодов и тьмы.

∞ 15 ∞

Свобода . . .
 Подождите, не говорите о свободе,
 Я принесу белые астры и поставлю их в воду!
Итак, свобода . . .
 Подождите, не говорите о свободе,
 Я позову красивую девушку двадцати одного года,
 Она живет по соседству.
Свобода . . .
 Подождите, не говорите о свободе,
 Я открою окно: яркая Венера на небосводе!
Свобода . . .
 Подождите, не говорите о свободе,
 Я заварю чаю, принесу гречишного меда.
Свобода . . .
 Подождите, вы все сказали . . .

Вы сказали: свобода.
Что вы можете добавить к этому слову,
Чтобы не стало больше, чем есть на самом деле,
Или чтобы не убавилось, не дай Бог?
Давайте сыграем в свободу:

Что в этом слове?
Вода — жизнь.
Сова — мудрость.
Оба — любовь.
Обод — колесо: поезжай, куда хочешь.
Ад — из него освобождаются.
Ода — свободе!
Бас — он прочтет эту оду.
Да, свобода . . .
Хватит, комната уже полна свободой.
Светлый дымок свободы тянется в окно.
На улице стоит человек из народа.
Он увидит свободу и донесет начальству.
Милая барышня, скажите вы это слово!
Свобода . . . Вы слышите, как пахнет ее дыхание?
Всё. Возьмите этот запах про запас
И расходитесь.
До свидания!

❧ 16 ❧

Если будем при смерти,
Мы спасемся: высмотрим
И выпросим вливание:
Влияние.
Зияние затянется,
Синюшность и багровость и
Корявость, даже раковость —
Вернутся в подпороговость.
Но кто же донор? Кто?
Быть может, это женщина,
Которой все увенчано,
Быть может, это облако
Причудливого облика,
Быть может, это дерево
Начнет на нас влиять,
Что, мол, не все потеряно?
Быть может, это мать,
Быть может, это дочь
Помогут превозмочь
И начнут упрашивать,
Мол, не будь дурашливым,
И разложат прошлое

И еще не пришлое?
Скажут: будь как бусинка,
Не теряйся с ниточки,
Потерпи малюсенько,
Потерпи минуточку?
И обезноженные —
Встанем,
Обнадеженные,
Воспрянем,
Обезвреженные
Печаленосители,
Которых насытили
Влиянием?
Станем
Лояльными
Пешеходами, пассажирами,
Скрягами, транжирами,
Жителями, желателями,
Жевателями,
Доброжелателями,
Доброжевателями,
Долгожителями ? . .

Если будем при смерти,
Мы спасемся: высмотрим
И выпросим вливание:
Влияние листа
И лиственничной хвои
(Мы посетим места,
Где все иное),
Влияние листа
Или метеоритов
(Мы посетим места,
Где всё забыто),
Влияние листа
Или спиральки дыма
(Мы посетим места,
Где всё незримо),
Мы посетим . . .

Незабываемо,
Что невозобновимо.

Что же, мне было легко
 В твоих глазах,
 В твоей руке
 С пальцами-впивальцами,
 Мне и моим глазам
 На твоих коленях и прочем.
 Было все — от тебя.
 Но я решил, что мой сезонный билет
 Просрочен.
 Было все от тебя. Меня колотило,
 Я надеялся переболеть
 Без тебя, мое светило.
 Мое светило! Как точен
 Всякий астрономический эпитет!
 Я решил: мои глаза и пальцы,
 Потерпите.
 В некоторых славянских языках
 Терпение — значит страдание.
 Эта крапивница на глазах и руках —
 От языкознания.
 Можно подумать, что эти каденции
 Ради штуки, от скуки, от науки?
 Это глаза и руки
 Не знают, куда завтра денутся,
 Это глаза и руки.
 Моя мания — сжигать мосты.
 Не сжигал я моста, который — ты.
 Я сжег все проекты, планы, чертежи
 Всяких будущих мостов, ибо время планов истекло.
 На пламени планов я закоптил стекло...
 Я подозревал, что я устроен, как всё в жизни,
 Я прозревал, что и ты устроена, как всё в жизни,
 Но в жизни из этого не вышло силлогизма.
 Я люблю тебя.
 Я люблю тебя с маленькой, горькой —
 «Как жизнь» —
 Оговоркой.
 Но руки и глаза, глаза и руки, руки и глаза —
 Что вместо этого ? . .
 Скороговоркой:
 Устройство мира, энтропия, кривая Гаусса, дополни-
 тельность, антисимметрия, законы сохранения,
 гены, комбинаторика, наше предназначение.

Я все сказал.
Я не чувствую облегчения.

§ 18 §

По улице
Под черным небом
Вдоль хирургических предметов
С кусками света:
Вдоль фонарей
(Вдоль однолапых якорей:
Вдоль фонарей),
По льду из утреннего снега:
Полупрозрачный пеньюар,
На чернокожий тротуар
Наброшенный. По сигаретам,
По плевкам,
Сквозь розницу людей,
Вечерним краем дня,
Когда циклоп
Согнал весь опт
В пещеру
И свой муаровый белок,
Слезящийся надеждоверой,
Обменивает на зрачок
(Не на значок —
На несравненную зеницу).
По улице
Вдоль простодушных
Деревьев, обменявших шаг
На многожизние
(Их почки —
Многоточки).
Правей автобусов, урчащих так,
Левей домов, стоящих так
Угрюмо, трудно, скупое, скудно,
Что всё — как будто некий знак,
Знамение, что где-то лучше,
Что лучшее возможно,
Что должно быть лучше,
Как на экранах, как в романах,
Как в мечтах,

К которым склонны женщины и дети.
А женщины всегда как дети,
За всех стареют лишь мужчины,
Гоняющие цель как мяч.

Все души изнутри красивы!

Вдоль вывесок
Наивных, вдоль пустых,
Но не пустынных магазинов,
Вдоль бедности. Со стороны
Все люди так бедны,
Что их становится кому-то жалко
И кто-то подгоняет палкой
Людей, бредущих безучастно
Навстречу счастью
(Хотят на блюдечке —
Висят на удочке).
Вдоль сквера,
Мимо монумента,
Мимо дома где днюет власть,
И мимо дома, где она ночует.
Ничто не терпит пустоты.
Что отмирает — уступает место.
История — десяток тонких
Сосудиков. Из них в свой час
Один свирепо разбухает
До чина сердца,
Другие ниточками вьются,
И так попеременно
(От фараонов хромосомы
Во власти самой полусонной).
Вдоль типографии — как тяжело,
Что мало книг!
Вдоль почты.
Вдоль аптеки.
. . . А что бы смог
Наш мозг, когда бы не гнезвился на вершине
Горы из мяса, ливера, брюшины,
И прочего: из отчего,
Праотчего, звериного,
Что вкопано как мины
Во все пути до Палестины ? . .
Вдоль запаха бензина.
До остановки.
На трамвае.

Через мост.
Домой.

☞ 19 ☞

— Брось политику! Это грязь!
Брось: боясь или борясь — грязь!
Пусть политический озноб-озлоб
Колотит того, кто меднолоб.
Здесь, где вечны боярин и смерд,
Политика — это смерть.
У них синева под глазами и мешки
От убийств тех, кто велики,
И на губах как подсолнечная лузга
Убийства тех, кто мелюзга.
В стране очередей, цензоров и цезарей
Брось, особенно если ты еврей,
Брось, поднимись выше дрязг,
Плюнь им всем пониже бровей.
Брось политику! Это грязь.
Эту грузинскую вязь, эту славянскую вязь,
Эту немецкую вязь, эту еврейскую вязь —
Не прочтешь, не развяжешь. В грязь!
Бубнят, бьют в бубны, в тимпаны?
В уши — тампоны.
Брось политику, да еще в стихах:
От стихов надо, чтоб тихо: ох, ах.
Бремя тяжкое? Подумаешь! Скинь плод,
Беременный временем — об стол — живот!
И что еще за стихотворные котурны,
Если есть мини-стервство культуры?
Между Европой и Азией мы не мост,
А выродок, андрогин, монстр?
Жесток Восток? Зато наш Восток!
Воробействуй, человек: скок-поскок.
Не говори «они», говори «мы».
От Востока снадобье — Восток,
Пусть Восток пустит росток
В умах ясновидцев тюрьмы.
Если над нами азиатское зло,
Смотри на него в азиатское стекло.
Мороз, что жег, и солнце, что жгло,
Выродятся в прохладу или тепло.
Мир велик! Включи радио, слушай мир,

Усни, нюхая мировой эфир,
Пиши об ароматах лон, ароматах роз,
О небосклонах, гибкости лоз, а не розг,
Не о стране бескормицы, серых лиц,
Не о стране резерваций-наоборот: столиц,
Не о неожрецах-неолжецах что

☞ 20 ☞

Что стало так мерно,
Так спокойно,
Так возвышенно?
Что так дышится протяжно,
Так плавно,
Что все угловатое плавится
И зигзаги округляются в завитки?
Это вошла печаль.
У нее на плечах
Шарф или шаль?
Шлейф?
Где паж?
Убежал?
Я никогда не видел печали:
Она ослепительна.
Как она выглядит?
Говорят, что как девушка со скрипкой,
Похожей на человека:
Она держит скрипку крепко
Между подбородком и ключицей.
Нагая смуглая дека
Прячется за гриф,
Боясь, что гриф отлучится.
Как поэт зажимами рифм
Останавливает кровотечение строчек —
Самохирург, открыв
Самопомощь для одиночек —
Так печаль играет
На перерезанных струнах,
Молниеносно прижигая концы
Пальцами электросварки.
Вошла печаль.
Наши гортани — триумфальные арки.
У каждого есть голос
Или зерно голоса:
Сейчас он пробьется как колос,

Острый, как ость колоса.
Из нервных волокон смычок,
Не из конского волоса,
Он знает одну канифоль:
Боль.
Каждый молчок —
Под молоток,
На наковальню грудной полости!
Это печаль.
Печалются голосом
Не пепельным, впалым, печальным,
Печалются голосом колким,
Каленым и колоссальным.
Вот кто-то уже закричал.
Это вошла печаль.

∞ 21 ∞

Вижу, хожу, хочу
Как будто качу,
На стыках постукивая
Поступками.
Качу, молчу, мечтаю
Как будто читаю
Книгу. Слева книга
Нарастает и справа книга
Тает, и нельзя захлопнуть,
Нельзя захлопнуть, ибо:
Иго
Неогибаемого Эго,
И все, что вижу — будит эхо,
И все, что вижу — будто слышу,
Как будто можно все назвать
И перечислить все предметы.
Существование всего
И холодит и окрыляет
И ударяет и ролями
Одаривает: роль окна
И роль моста и роль реки.
Рука играет роль руки
И телу сладко в роли тела:
Импровизирует и спит.
Никто не судит: мир без судей.
И равноправие всех судеб
Веселым флюгером скрипит.

Ползут мурашки или слезы,
Наощупь я ищущу слова
Как ищет коробок курительщик
И нахожу их:
Чувство жизни.

Чувство жизни:

Как камень,
Что не оправлен,
Как не отравлен
Фенолом финала,
И простынь пространства
Спина не сминала,
И пахнет несмятым
И мятым крахмалом,
Снегом несметным,
Недельной метелью
Наметенным,
Поскрипывает, поискривает
То красным, то фиолетовым,
Покалывает зеленоватым
И голубым.
С какой целью согнали
Всё снеженственное и оснежающее
Сигналить в сигналы,
Словно кто-то любим?

Чувство жизни!

Гремучее как лист жести,
Но лишенное тяжести,
Неуязвимое как кожа саламандр,
Невыразимое жестом,
Гармоничное и беспокойное
Как орнамент-меандр,
Пророческое как детство,
Прочное как тождество,
Праздничное как Рождество,
Прозрачное как спасительная ложь.

Существование всего!

Я жизнь твою живу
Сплошь,
Своею откупаюсь
От пауз,
Я жизнь твою живу,
Всё, что неисчислимо,
Незримо.
Немыслимое! Я тебя
Всё думаю,

Как ябеда,
Слежу неявное,
Я лгу
Всё достоверное,
Могу
Несоразмерное,
Вижу
Южное, нервное —
Неверное,
Умное, северное —
Коварное.
Одно — сбивает с ног.
 Но что за признак этот снег,
Этот знак, этот звонок?
Снежинка — хрупкий
Трупик воды и грустно грунт рук намок.
Это — намек?
Но что — росток?
Разве бывают черные астры?
Снежинки — это чему контрасты?
 А вот и терапевт.
 Он смотрит, оторопев.
 Не надо снотворного, так усну.
 Пожалуйста, я объясню.
Я говорю о себе
Не так, как говорят: я пришел,
Здравствуйте,
Я сейчас буду с вами,
И буду завтра,
А если уеду — оставлю адрес.
Я говорю о себе так,
Как говорят: прощайте,
Я ухожу,
Я не писал вам писем,
Потому что меня не было вчера.
Меня не будет завтра,
Я ухожу,
Я уезжаю.
Мне досталось место —
Единственное на весь поезд —
Спиной по ходу,
Так что мне повезло,
Как умирающему во сне,
И я пришел это сказать,
Переполненный чувством жизни.

ТЫСЯЧА НЕВОЗМОЖНИЦ

1

В эту минуту, которая миновала,
Тысяча невозможниц,
Свежеотлитые из металла,
Остывают в овалах изложниц.

В эту минуту, которая миновала,
Тысяча осторожниц
Остывают в постелях, а их одеяла
Разрезают тысяча ножниц.

2

Мученики места,
Путаники права,
Вечники ареста,
Погорельцы славы,

Горечное племя,
И во сне глубоком
С пальцами на клеммах
Корчимся под током.

3

На травах три дня как скошенных,
У берега реки
Рассядутся заброшенные
Старики.

В смехе, тычках и ссорах
На другом берегу
Рассядутся дети, которых
Лелеют и берегут.

4

Консервы из любви —
Для долгих путешествий,
Для дальних отклонений,
Для прятков в чинный дом

Придуманы людьми.
Не знаю, как другие,
Но вижу с сожаленьем,
Что не могу — потом.

5

И всё тоскуем мы о смутном
В попутном лязге поминутном
И в дельном деле потном, путном
Над гладким, гадким чертежом.

И сизнова впадаем в слабость
Былого слюдяную сладость
Перебирать как стопку слайдов
И расщеплять слюду ножом.

6

— А что это — любовь?
Ты знаешь? Расскажи-ка!
Она волнует кровь
И пахнет как гвоздика?

— Ах, это ерунда,
Ах, всё собачий бред.
Любимы — плохо — да.
А любим — дивно — нет.

7

Разум, Бог мой,
Бог мой бывший,
Бывший догмой,
Дом мой бывший!

Нить абсурда,
Нить Ариадны,
Веди отсюда,
Бога ради.

8

Народ — не инструмент добра,
Но добрый донор: без наркоза
Готов к изъятию ребра,
Как к удалению занозы.

Он всякий раз Адам. А власть,
Супруга-власть — его проказа.
Но кормит. И не отдалась
Соседу за стеной ни разу.

9

Вся философия — искусство умирать,
И зеркало, часы и календарь —
Общедоступный инвентарь
Для смерти. Да еще кровать.

Я мысли мог бы гнать и гнать:
Но я уже обучен ремеслу.
Еще в искусстве смерти без заслуг,
Но я обучен, мастеру подстать.

10

Неспешно тучки пролетали,
Полупрозрачно длившись:
Одежды нежные детали —
Трусики и лифчик.

Они летели парусами
В пустынной сини
Для той, кого еще меж нами
Нет и в помине.

11

Их несколько — каналов,
По коим мир земной
Общался много ль, мало,
Но все-таки со мной.

Я их в стенной известке
Ногтями проскребал,
А мир, легко, как в воске,
Сверлил во мне канал.

12

Где положительная программа?
Где конструктивный итог?
Кто режиссер драмы?
Правительство? Бог?

«Шаг вперед, кто смеялся над фильмом!
Шаг назад, кто плакал в тот же момент!»
Мизантропы и антропофилы,
Запомните эксперимент.

13

Если поневоле
Многое черню —
Облачное поле
Свято на корню.

Синий или зимний —
Всякий небосвод —
Сильный антисимвол
Всяких несвобод.

14

«Радоваться не умеешь!»
Я умею: в пустоте.
Если кто-то рядом — радость
На неслышной частоте.

Но зато улыбки сею
В борозду и невпопад,
И улыбки птичьей пленкой
Заволакивают взгляд.

15

Тополь теплится. Но — на убыль
Убедительность удали.
К пуху липнет нелестная
Кличка лиственной плесени.

Лето топится. Только опыт
Опасается и торопит:
— Вы надолго ли, тополи,
Пухом ночи заштопали?

16

Я помню институтский зал,
Где кто-то нам Письмо читал
О том как кто-то позвоночник
Кому-то там прутом ломал.

Уже не выпучится снова
Тот горб, что молотило слово.
И наплевать, каков мотив.
То был великий шаг Хрущева.

17

Гаснет трут в пруде утра с трудом.
Погасить о книгу огни?
Усыпить письмом!
Всыпал смысл? Попролам согни.

Радость адресом раздражи.
Дом, ты будешь омутом? Льдом?
Вот огни, огни . . .
Посягни!

18

Сказать буквально, досконально?
Дословно — значит мышеловно,
Как будто даже уголовно
И вроде бы процессуально.

Пусть будет лучше утаительно,
Неутешительно, томительно,
Многозначительно, мучительно
Все, что с изнанки сексуально.

19

Я отхожу от реализма:
Он — тайну давящий комбайн.
Я обогну, июльский лыжник,
Гнездовья тайн.

Предоставляю целить ближним
(Озноб снобизма бьет слегка):
Мне разве рвение не слышно
Дробовика?

20

Ныне, присно, и вовек
Святы, кто бескомпромиссны.
Искренним врагам ремиссий
Не довлеет смена вех.

Кардинально, радикально
Раскроив — искоренять.
На раскрое уникально
Может выиграть скорняк.

21

— Твои бедра полноваты,
Шаркает в шагу капрон.
— Милый, я не виновата,
Что такой шаркучий он.

Ну а ты, когда шагаешь,
Почему не слышен звон?
— Извиняюсь, дорогая,
В мягкое завернут он.

22

Проходит все. К чему метаться?
Плохой театр, плохой актер,
И стыд неловких имитаций
В аорте мозоли натер.

Ты столько жестких эманаций
В свое же тело излучил,
Что страсти рак — пора признаться —
Самораспадом излечил.

23

Познай народ, познай простое.
Но я — чужак.
Познай любовь, шатни устои.
Попал впросак.

Познай природу (хоть по книге).
Я не у дел.
Познай себя. Надень вериги.
Познал. Надел.

24

Деревья наплакали лужицы теней:
Бежим из Египта покуда не поздно,
Несчастное племя растений:
Сквозь звезды-проколы

С земли улетучится воздух:
Уже решено и вошло в протоколы!
Без крон и корней запрудили земные дороги
Зеленые, рыжие, белые, бурые ноги.

25

Спасение непостижимости
Куда ценнее чем недвижимость,
Когда душа, скопив обиженность,
Полна как темной кровью жимолость.

Будь непонятной и расшатывай
Все ожидания и признаки
И раскаляй и лей ушатами
Утешной власти сны и признаки.

26

Твоя судьба . . . Смотри, все ждут:
Амфитеатр родных и близких.
Знакомые, враги — все тут:
— Святая, шепчут. — Одалиска.

Твоя судьба. Хронометраж
Тревожен. Время охромело.
Что первое почует страх?
Душа? Лицо? Рассудок? Тело?

27

Прошло уже пять тысяч лет,
Как обличают зло
Всякие умники — но нет!
Зло лезет как назло.

Зло жертвенней добра стократ:
«Раз плюнуть — все дела:
Всяких там умников собрать —
Пиф-паф! И нету зла.»

28

Что такое демократия,
Эта великая домкратия,
Переворачивающая горы?
Власть народа? Вот умора!

Такого не будет никогда и нигде.
Демократия: держать власть в узде,
Быть при хлысте и шпорах
На руках. И мочиться на порох.

29

Вечер. На крыше шифер —
Светлее неба.
Дома — большие
Ломти белого хлеба.

Но становится все на места.
Опускается темнота.
Электрический свет.
Плохое — то, чего нет.

30

Я глохну к философскому спору.
Я верю Бору.
Это он говорил, что глубокие старики
Избавляют простых стариков от глубокой тоски.

Это он говорил, что если речь о великом,
Истина всегда двулика.
Я прекращаю дознание
По делу о материи и сознании.

31

Почтение к физике сужено
И теснится рядом с укором.
В этом веке мы обнаружили,
Что мир познают не прибором,

А кожей своей и желудком.
Но ценой тотальной изжоги
И при содействии ублюдков
Нашли только в Боре бога.

32

Примирающие горы —
За окном,
Разделяющие споры —
Под сукном.

Примирающее пиво —
Охлаждать.
Как живется-то счастливо —
Благодать!

33

Пошли ей, Господи, мужа
С великой славой,
Пусть в нее эта слава
Войдет кроваво.

Пусть достанет до горла,
Начнет забаву,
Плюнет — вулкан лукавый —
Белой лавой.

34

Мы создадим империю,
Не Римскую империю,
Чреватую потерю,
Больную климактерием —

Империю — вампирию,
Империю матерую:
Всемирную империю
От полюса до прерии.

35

Не спится. Сон перебит.
Голени разбойника
Обок Христа.
В мыслях рябит.

С подоконника
Капает темнота.
«Полтора несчастья, смотри!»
Тридцать три.

36

Кормили манной кашей —
 Уронили облако,
Обрезали ногти —
 Уронили месяц,

Чистили уши —
 Уронили звезду,
Купали-вытирали —
 Уронили ночь.

37

Модель генезиса
И общности языка:
Лимон на кружки разрезан,
Смычка соседних легка.

У прочих трагически скажется
Окружности укорот:
На среднем любой уляжется,
Но не наоборот.

38

Кто бросает мою голову
С руки на руку,
Как испеченную картофелину?
Кто заплетает в косички

Мои пальцы?
Кто заворачивает мое сердце в газету
И перевязывают шпагатом?
Страх.

39

Близость по духу:
Выпитой мухи
Нетленный хитин.
По непроверенным слухам

Я — один среди паутин.
Пожалуйста,
Будьте безжалостны,
Проверьте, пожалуйста!

40

Искоренят свободолюбцев. Это точно.
Прощайтесь, плачьте, машите им платочком.
Смотрите напоследок в огромные как блюда
Глаза свободолюбцев.

Искоренятся: одни — хирургией,
Обучением-облучением — другие,
И свободолюбцы больше не родятся.
Глаза их окаменеют как динозавровы яйца.

41

Брак?
Скажите лучше: мрак.
Скажите лучше: враг.
Скажите лучше: рак!

Скажите лучше: круг.
Скажите лучше: трюк.
Скажите лучше: срок.
Скажите лучше: рок!

42

1. Что показывает барометр?
2. Чем история беременна?
3. Что еще уворовано
Метрономом безвременья?

1. — Будет пасмурно, холодно.
2. — Как всегда, аномалией.
3. — Понимают, что молодость,
Что свою только — мало кто.

43

В жилище неподвижно —
Стены — стоячая вода.
Но если подвижником
Жить всегда —

Дожить до перемены:
Вокруг себя . . .
Мебель и стены . . .
Толкаясь и сопя . . .

44

Погромыхивает в душности.
Грозоваты облака.
Мало синих слив в воздушности,
Многовато молока.

Едут тучи перезрелые,
Заплетается раскат.
Возвратит ли небозрение
Впадинам земным раскап?

45

Фильтр обломив, вдыхая как спирт,
Или с фильтром всегдашний флирт,
Или задумавшись, отложив —
Кто как умеет,

Пока жив —
Куришь, не куришь — тлеет
У прожигателя, у аскета —
Жизнь, зажженная сигарета.

46

Целуй сердца навывкате,
Отбросив прочь очки.
Сердца, идти привыкните
В ладони как в сачки!

Напомни им о голоде
И намекни на боль.
Сердца, теперь вы головы,
Твердите эту роль!

47

Как тени на закате
От солнца со спины —
Мы в будущем как тени
От прошлого видны.

И будущее видит
И говорит: «Они!»
Готовится в дорогу,
Освобождая дни.

48

Душа — зеркальная комната:
Сверху, снизу и сбоку — я,
Нашаманствовал обморок,
Сам собой обуян.

Поджидает я-вурдалак:
Кто войдет в анфилады-стены?
Но нельзя, чтобы в зеркалах
У кого-то вдруг опустело.

49

Надо уезжать стареть
В новый город, чуждый город:
Не укусит овод-повод
В память челюстями встреч.

Этот страх — не столько страх,
Сколько грусть и сколько тяга
Видеть чистый лист бумаги
В перечеркнутых строках.

50

Заметно ли привыкшим драться
И бить под дых,
Что мы вступаем в братство
Немолодых?

Заметно ли идущим против
И вопреки:
Нас как родных за поворотом
Ждут старики?

51

Нам день дается как аванс
Или как гонорар в конверте.
Мы — сослуживцы в штате смерти,
И не бывало, чтоб со сметой
Не совпадал баланс.

В ходу всего одна монета:
Чеканный час.
На ней — тот год, что нанял нас.

52

И это всё? Так мало было
Всего!
И это жизнь? Ладонь, что скрыла
Зевок.

Что толстым словарем казалось
На вид —
Такая малость:
Алфавит.

53

Расширяется вселенная . . .
Как ей не расширятся?
Расширение воображения —
Болезнь, как расширение вен:

Кого-то пытаются током:
Электродом в половой член.
Пусть расширяется вселенная
К такой-то матери!

54

Хоронили Сталина . . .
Сиротами стали мы.
В зале кто-то всхлипывал.
Как мы без великого? . .

Но акцент у Берия
Нам внушал доверие.
Заикался Молотов.
Начиналась молодость.

55

Весомы невесомость
Молекулы судьбы:
На нитке хромосомы
Запрет на *если бы*.

Нанизана отравы:
«Желай, кто не скупой,»
Нанизано и право
На пытку быть собой.

56

Мы все умрем.
Как это страшно.
Как это страшно:
Мы — умрем!

Но будет засеиваться пашня
И наполняться водоем.
И эта мысль во всё что зряшно —
Дождем, а в важное — зерном.

57

Было жарко и сухо.
Но пришли облака
И разжав кулаки
Просыпали слухи:

Грозы невдалеке.
И уже миновала желтуха:
Одуванчики в возрасте пуха —
Белоголового духа.

58

Я ухожу в себя.
Как будто выплавляю
Вокруг себя такую пустоту,
Подобную киту,

Что в ней ни поезду, ни лаю,
Ни детским крикам, ни трамваю
Не пробуравить немоту —
И так куда-то уплываю.

59

Железо сделано из сахара
И тает, подслащая чай.
Плохие времена. И пахари
Уходят с пеной через край.

Плохое время. Не позорное.
Не виноваты, что живем.
Стекают струйками дозорные
К подножьям вышек под дождем.

60

Кто я тебе и кто ты мне?
Солжет любая из метафор.
Не страшен звукоимитатор
Железным хрустам в простыне.

Медлительней чем экскаватор
Приходит броненосный лязг.
И красный рот поля диктанта
Исцеловал за гроздь клякс.

61

Шум радио, моторов,
Дюз и ссор,
Как почву соль,
Засаливает город,

Здесь легкие забиты пылью,
Почки — камнем.
Дымы из труб Тьмутаракани
Воздеты косо, как надкрылья.

62

— Что ж, дуралей,
Божий сынок,
Снялся б с гвоздей,
Тоже мне иог!

— Я же не бог,
Я — иудей,
Жалко людей,
Вот и не смог.

63

— Послушайте, кто вы?
Ваши стихи хреновы!
Столько желчи и фальши
В вашем словесном фарше,

Что стихи несъедобны,
Энцефалофобны,
Претенциозны и одиозны,
А рифмы гриппозны.

64

Плохо злomu.
Злomu грустно.
Мир — солома,
Всё невкусно.

Злomu трудно.
Снова что ли
В беспробудный
Аутолиз? . .

65

— Радость — что это такое?
— Что-то вроде красоты,
Только с визгом, только с воем
Вместо спазма немoty.

Красота же — это что-то
Вроде долгой тишины:
Отказал мотор в полете:
Тишиной оглушены.

66

— Мы — ваше наилучшее,
Хоть мы обыкновенные.
Мы — это вы при случае,
Не проморгав мгновения.

Вы посмотрите в зеркало:
Не вашими ли мордами
Полны листы газетные?
Так будьте ж нами гордые.

67

Скажут так: постигла участь.
Был калейдоскоп, стала карусель.
Колокол медузы, вспучась,
Рухнул и осел. Залил все кисель.
Оказался муравейник,
И ошейник, и отеческий ремень.

Участь в том, что я ровесник
Первых фаз фантазмоперемен.

68

Мы, живущие в Стрессопотамии,
Люди локтя, лжи и лото,
Что же самое-самое-самое?
Вместо *что?* — *что и что?*

Под всеобщим логическим лозунгом
В диалогах выклевываем одно.
Лозунг личнокалиберной логики:
Многое. Или как минимум: *но*.

69

Люди, идеи, слова
Отмирают.
Острова
Обмирают.

Греция, Турция, *Venceremos* . . .
Либи́до, демос . . .
Шелушится
Эпидермис.

70

Мы тянем и тянем канат,
Переброшенный через блок.
На другом конце — молодые:
Губы — гранат,

Фарфор — белок.
Свежие, словно постели — льды их.
Как мы здесь очутились вдруг?
Почему не выпустим каната из рук?

71

Туда, где остров эвтаназий
Изображен пером,
Паломников, что ждут оказий,
Перевезет паром.

От аромата к аромату
Перевезет паром.
С одним числом вторую дату
Соединят пером.

72

Мы всё помним.
Мы всё понимаем.
В головоломных каменоломнях
Нам — прямая.

Но на прямую —
Непостижимые —
Вьемся пружинами
Как одержимые.

73

Любимая,
Дымом клубимая . . .
Единство
И одиночество . . .

Познание
И опоздание . . .
Всё, чего хочется.
Мироздание . . .

74

В аквариуме спелых тел
Не умолкает рукоплеск.
Кто сделан так, как Бог хотел,
Роняет никелевый блеск.

И беломатовы каноны
Из алебастра,
Где заповедные каноны
Нарушил мастер.

75

Жить — редкость,
Напряженная струнность,
Странная едкость,
Ужасная странность,
Ужасная радость,
Страшная трудность,
Радостный ужас.
Радужность.

76

Предположим,
Что наукопаук
И талантотарантул —
Это личинки грядущих стрекоз:

Бурую кожу
Жвалами рук
Процарапав,
Ринутся в эпохальный метаморфоз.

77

Несладко
Спрятым в складку,
Трудно столоваться
У архиотцов,
Чтобы при этом не целоваться.
Черным хлебом газетных столбцов
Не могут
Прокормить поэтов и мудрецов.

78

Лодка была молода
И плакала на берегу:
«Я могу
Мало дать . . .»

Вырвалась лодка,
Волны как водка
Греют бока,
Ветер — рука вдоль желобка.

79

Браки, в которых кто-то жезл,
А кто-то — змея навитая на . . .
Оба — промах зрачков-жерл
И — тай-на.

Браки, в которых минут магнит
Тянет, и вот — мигнут огни
И разгорятся: свеча горит
И — маг-ний.

80

Истина есть, но когда мы,
Ее единственные отцы,
К ней подбираем родительский ключ,
Она выходит всегда на клич,

Она выходит всегда из тьмы,
Она из лона на свет дня
Всегда является как двойня,
Как сиамские близнецы.

81

Веселое, вселовное,
Всеволновое радио
Исподтишка вцеловано
В заразной ласке радости.

Бацилла всеприятия
Прошла сквозь антисептику,
Сквозь кипятильник скептика
И вот — залихорадило.

82

Мы — овцы. Бич
Впечатлений-пастбищ.
Кто нас пасет,
Тот нас спасет.

Нет новизны для копыт.
Новизну — не накопить.
Опыт тоскует по странности
Разнотравности.

83

Не только время нас уносит,
Но и всё, чего нет.
Оно льет магнетический свет,
И льстит, и совета просит.

И жажда достичь
То, что нельзя —
Как детский инстинкт
Сосульки лизать.

84

Всё породнено с эротикой,
Всё — вхождение и труд.
Наслаждение — коротенький
Шов, что замыкает круг.

Всё — вращение. Всё — медленный
Недозамкнутый вираж.
Громыхнут тарелки медные —
И опять зовет мираж.

85

Наше пространство — время,
Наше время — движение,
Наше движение — странное
Стреловидное жжение —

Наше жгучее наваждение,
Наша меткая метонимия,
Наше неуточнимое
Изнеможение.

86

Система мира кровеносна,
Но в венах мира плещет бедность.
Как бы бумагой папиросной
Заклеен обруч или бездна,

И сердце прыгает в бумагу
И разрывается победно
И наконец-то гонит магму!
Но это бедность, только бедность.

87

Осень. Листьев дым и горечь,
Синий дым и серый дым.
Листья жгут, но категорий
Парный принцип невредим.

Миролюбие и тленье
Кочерыжек летних дней . . .
Примирением и ленью
Дни богаче, сны — бедней.

88

Со мной живут мои концы.
С годами огрузнел их топот.
Я слышу как бренчат ключи
И как плащи шуршат в прихожей.

Немного на меня похожи,
А меж собой как близнецы.
Их кожа — пепел, волос — копоть,
И взгляд — смертельные лучи.

89

Одиночество — род тотема,
Одиночество — это бог,
Одиночество — это все мы,
Кто не однок.

Одиночество — наш исток.
Одиночество — наша тема.
Багровеет как эритема
Одиночество. Как ожог.

90

В сентябре
Крымское рыжее солнце стало русым,
Поцелуями стали укусы:
Выпали зубы, нашлись в кукурузе.

В календаре
Снова сибирское пятнадцать.
Хвоя стала березой пятнаться.
Очнуться! Начинаться!

91

Я был внутри предметов
Во времена
Рассветов.
Новая эра, закатная страна.

Я — извне.
Предметы — как пещеры.
Наивность прежней эры
В рисунках на стене.

92

Жили по вертикали?
Радостью истекали?
Строили башни?
Что мы можем поделаться с собою?

Мы выцветаем как голубые рубашки,
Как голубые обои.
Мы полощемся как белый флаг.
И милосерден в белом халате враг.

93

Ветер и жалость.
Когда ветер дует в спину
И мы отодвигаем нечто плечом,
Действие равно противодействию:

Нечто плачет.
Слезы — у острия стрелы.
У оперения —
Жалость.

94

Рифмующиеся слова —
Не пары, не мужа и жены,
Их двадцать может быть — не два,
И вот уже идут колонны.

Размеренный как метроном
Их топот — ужас века в нем,
И рифмы века — по несходству —
Вдвоем сжигаются огнем.

95

Царствует в мире
Число четыре:
Два полюса: да и нет,
Но еще два: их цвет.

Белое да, черное да,
Радость-нет, нет-беда,
Право-лево и верх-низ,
Любовь к, любовь из.

96

Вначале было слово!
Еще до языка,
Еще до океана,
И до материка.

Оно росло на небе —
Огромные луга,
Не скошены рядами,
Не сметаны в стога.

97

Волны — полные губы мира:
Мир любвеобилен.
Любви даже в смирном море
Больше чем в мире спален.

Волны — соленые синие губы —
Искусаны до крови.
Кто отвернулся от их изгиба?
Кто усмехнулся криво?

98

Поэзия, прозой теснимая
Как живопись — фотоснимками,
Меняет линзу на призму,
Расслаивает силлогизмы.

Слово — гроздь нотных знаков,
Словарь — звукоряд языка.
У Рильке и Пастернака —
Музыка.

99

Где-то растут
Корни неслыханной валерианы,
Где-то текут
Невиданные бальзамы.

Неизъяснимые изъяны
И те, что видны глазами,
Ждут:
Скоро отступит жуть.

100

Анатомы немного зорче
Нашли бы орган за грудиных слез.
Секрет еще неведомых желез —
Рассол и горечь? Или это порча?

Но соль и горечь с каждым днем острей,
Ирония ломается как хворост.
В чем дело? В том что я — еврей?
Или в эпохе? Или это — возраст?

101

Мучительна физика духа,
Ни звуки ее, ни лучи
Не тронут ни зренья, ни слуха,
Но атомы — как кирпичи.

Когда для сравнения мысли
Кладутся на чашу весов,
Ломаются все коромысла,
Корежатся остовы слов.

102

Сможешь попозже,
Если не смог,
Будет палатка,
Если промок,

Если не сладко —
Сахар на дне.
Если не прожил —
Увидишь во сне.

103

Как шерсть на брюхе сентября
Свисает дождь,
И листопад,
Желтушный вождь,
Ведет осадку фонаря,
Но тот не склонен уступать.

Души голодные подвалы
Набиты всем, что годовало.

104

В том году,
Когда мы родились,
Был еще в ходу
Идеализм.

Но уже страну
Опыт постиг.
Носим старину
Парой стигм.

105

Камчатка
В книге моих лет —
Прекрасная опечатка:
Ночной фиолет,

Горло неба в горжетке
Из гор.
Дышит Паужетка
Паром подземных пор.

106

В этом чреве — истории бремя.
Сотни лет это чрево чревато.
Чуть сверкало, но больше — смеркалось.
Но настанет когда-нибудь время,
Посветлеет в наследственном коде,
Шевельнется плод виновато,
После вод фекально-сморкальных
Разразятся русские роды.

107

Другая жизнь проникает через
Как резак.
Старая жизнь покидает череп
В слезах.

Шумно выносят мебель
Красот.
Прошрое новая небыль
Крадет.

108

Как называется наша жизнь?
Она называется: мягкий фашизм.
Как называется наш удел?
Он называется: предел.

Наш Талмуд и наш Коран
Открывает надпись:
Тоталитарии всех стран,
Соединяйтесь!

109

Из меня
Сочится зло!
Где прижать,
Чтоб не текло?

У какого огня
Прижечь,
Чтобы унять
Желчь?

110

Идет время идет
Время идет время . . .
Музыка прежде нот?
Доказана теорема: наоборот.

Миновал сезон миновал сезон
В котором озон.
Съедены ядра суток.
Шелуха нешуточных шуток.

111

Не о себе, так о ком?
Если родиться, то кем?
Порожняком, середняком.
Кристалликом в ком
Внедриться, чтоб не разрыдаться,
Когда осенит обида.

Или в киоске за углом
Купить эгоцида? . .

112

Огромным, что вовне,
Я окружен.
Огромным, что во мне,
Я напряжен.

Смертное и сильное
Пленку прорвет:
Бессмертное и слабое
Умрет.

113

В момент причинения зла
Рты почернели от крика?
Как от черники?
Или сирень зацвела?

В момент причинения зла
Склеились губы от меда?
Или просвет пищевода
Забил околки стекла?

114

Здесь дух — тлен.
Плевков, плеть, плен.
Таков здесь дух.
Круг, круг, круг!

Как распух
Этот труп!
Дети, идеи . . . Но у детей
И у идей — круп.

115

В ночное прекрасное время
Зеницей окна поглядим:
Разжижена города темень
И Бог беспокоен над ним.

На темное отчее темя
Натянут опаловый нимб:
Как тюбиком мыльного крема
На нимбе написано: ДЫМ.

116

Русской рифмой убаюкан,
Русский стих не может — белым,
Словно версты эти звуки
Оробелым, огрубелым.

Это водка, это тройка,
Чтоб как птица, чтоб как птица,
Пусть хоть хмель чужой попойки,
Но забыться, но забыться.

117

О корь сорокалетия,
Как переболеть?
Я знаю, грядки летние
Не переполоть.
Но с прежними замашками —
В рассадник всех рассад:
Шалфеем и ромашками
Хотя бы оросят?

118

Что ж, в Красноярске
Не так уж и адски,
И можно смеяться
Как в Плотоядске.

Что ж, зим непререкаемость,
Но — горы, река, и мост,
Отрада окрестных мест . . .
Но мне этот край — как месь.

119

Я — не народ.
С народом я бы не мог.
Я — не народный рот
И не народный мозг.

Но все же какой-то орган,
Что-то вроде гипофиза.
Неужто только в морге
Проверят эту гипотезу?

120

Закушен крепко
Язык городов
Между кепкой
И бородой.

Черный язык повис:
Обгорел
В худшей из
Экспериментальных гангрен.

121

Но чего же впрыснуть
В вены:
Прикасаний?
Столкновений?

Чтоб раздвинул
Сердца поршень
Ход свой
Между: Слаще — Горше.

122

То севером, то югом дули
...надцатилетние ветра.
Засохших символов июля
Давно набралось на тетрадь.

Еще не замерзали лужи,
Не поднимался воротник,
Но утро будится все хуже,
И к стеклам лик зимы приник.

123

Земное не со мною.
Все близкое — колюче.
Небесного — не знаю.
Далекое — как тучи.

Края как будто аркой
Сошлись. Как будто сводом.
И пахнет тихой, горькой,
Заплаканной свободой.

124

В этой эпохе
Капала кровь с пера
И захлебнулись на вдохе
Трагические тенора.

Души ороговели
В постах: пост за постом,
И отгорела вера в *потом*,
Где бы сердца разговелись.

125

Послесловие:
Может быть, пустословие.
Может быть, проба пера.
Может быть, знак: пора!

Может быть, плесенью
Выглядят вёсны,
Если донесены
До осени.

ДАНАЙСКИЕ ДАРЫ

Художник

1

Глаза как вымена
Набрякли млечным соком:
Художник брызжет оком
Как серой сатана.

И серая стена
Дробится пред глазами,
И валится цветами,
И крошится в тона.

2

— Нам нужно больше света
И нежного туше.
— Пейзажи и портреты
Пишу в душе.

— Пейзаж, чтоб как котлета,
Чтоб сочно было есть.
— Ни леса здесь, ни лета
Но это в лете есть.

3

А вот нагое тело:
Его замучил цвет:
Он пепельный как пепел
Сотлевших сигарет,
Он теми скрыт умело,
Кто юн или одет.

4

Художник, будь ты трижды ясен —
Не ясновидцы не поймут,
Когда, душой огнеопасен,
Ты в киноварь макаешь трут,
А ты и пятнами невнятен,
И в пятна вмешиваешь муть.

Дели квадрат диагонально:
Черным-черно — белым-бело —
И ахнут все: «Как гениально:
Добро и зло!»

5

Он как ответчик,
А зритель — истец.
Он блудный, беспутный,
А зритель — отец.
Он лепит свистульки.
Зритель — купец.
Зритель бессмертен.
Творцу — конец.

6

О, эта жизнь-рельсы
С них сходит смелость.
О, эта жизнь-сито!
Просеется мелочь,
Крупное будет убито.
Нежный проситель.
Железный податель.
Художник знает:

Только тубик податлив.
Знает философ
О парности мира.
Художнику всякая лира
Семиголоса.
О, эта жизнь-конвейер:
Мы в пропотевшей коже.
Художник, ты можешь веер?
Художник не может . . .

7

Вот жизнь вокруг перста
Мотает темный локон.
Художник, размотай
Темноволосый кокон!
Ах, в нем художник сам
Измучен пыткой-ростом,
Он рос бы к полюсам,
Но в коконе коротком
Мед жизни — по усам.
Он точит кисть остро,
С себя срезает шкуру
И выдает нутро
Зевакам за натуру.

8

Художник очень честен,
А честность нелегка,
Она в публичном месте
Как запах чеснока.

— ○○○ —

Эгоцентриада

1

Часы остановились.
Ну, где же новизна?
Нависла? Наклонилась?
Нога занесена?
Барьеров, стен, заборов
Разобран стипль-чез,
Не нужно рвать оборок,
Но стимул лезть исчез.
Я жду ее сейчас,
Когда зима и ранний вечер:
Дома и их жильцы
На выдохшемся вече
Стоят как мертвецы.
Я был сегодня в мире
И вез меня трамвай:
С людьми мне стало шире,
Людьми я пировал.
Мой мозг не закипел,
И сердце чаще не стучало,
Но шло от близких щек
Щекотное начало,
Лаская мне висок.
Как я — найдется мало,
Кто так же одинок,
И я ловлюсь на сало
И лезу на манок.
И — как в миру монах,
И как детьми дразним,
Как в четырех стенах
С любимой, но вразним.
И как чужой в родном.

Не тяготение к народу —
Я сбоку от людей —
Но все мы — эпизоды,
И равен наш удел.
Мы братья по напасти:
Турнир со смертью — блиц,
И с острым чувством части
Смотрю на тех, кто близ.
А жалость — как болезнь.

Я жив и охраняем жизнью:
Пока дышу — я жив.
Станок для разжиженья
Меня — покуда ржав.
Живу, его движенья
Невольно избежав.
Жить — быть среди божеств.

Я понимаю жест:
Неслышимый ультразвук
Искрящих пальцев, рук,
Неспрятанное *если*
Невысказанной мысли,
Нацеленное *нет*.
А самый страшный дар —
Узнать, что впереди,
Когда, как в страшной сказке,
Сказали: не гляди.

Но неожиданность обмана —
(Хотя и новизна)
Когда несносно рано
Приходит чувство дна.

Остался в каганце мигучем
На донце керосин.
Совсем не тем я мучим,
Что дух невыразим:
Ко мне идет из толщи
Пузырь его глубин.

Но тяжело жить на письмах,
Хоть письма — инсулин.

2

Враждебность сущего. Погоня:
Копыта, сабли и стрельба.
Настигают киноконы.
Судьба.

Устроено жестоко:
Повтором-топором сразив,
Снова оживляют током:
Сизиф.

Необходимо глухонорье
Тихоне, недотроге:
Построить лукоморье,
Где нуждаются в Боге.

Бог-ловец,
Который гонится,
Пуская стрелы словес
Тихим голосом.
И не ловит никогда,
Но иногда все же ловит.

Устареваемость. Усталость.
Сегодня, завтра и вчера
В реки кипятка металась
Икра.

Сегодня не случилось,
Но завтра все же повезет?
Кислород истрачен. Гнилость.
Азот.

Общенье истирает теркой
Тихоню, недотрогу.
Во рту песок и горько,
Он уходит в берлогу.

Жизнь как ртуть:
Она железо вытолкнет.
Песок и горько во рту.
Двух попыток нет.

Никто не виноват!
Это я сам.
Это мое свойство.

Втащиться в топкий ток общений
Непросто, вязко, тяжело.
Мною движет добрый гений:
Зло.

Назло своей природе
Опережать чужую суть,
На себя с чужого входа
Взглянуть.

И в одиночестве прогоркнет
Тихоня, недотрога:
Он сам себя прогонит
С чужого порога.

Страшный дар:
Вперед загадывать.
Предвидение — угар,
Разум — адовость.

Не надо семи пядей,
Чтобы понять себя,
Если ты всегда одинаков.

Что делать сделанному дельно —
Подскажет крепкий здравый смысл.
Кособокий — беспредельно
Размыт.

Он ищет опий в духе,
А там ни гор, ни погод,
Ни духовной голодухи:
Огонь.

Не связан цепью середины
Тихоня, недотрога:
Края и центр едины,
Как тройственность Бога.

Дух — Ной:
Берет по паре всех.
Здоровый или больной —
Все под парусом.

Никто не виноват.
Это я сам.
Что же еще?

3

Призракам
Я верил
И верил
Признакам.

В каждом, с кем на «ты»,
Видел сразу все,
Видел все до дна,
Видел до конца:
Каждый знак-знак-знак
Знал-знал-знал-знал-знал.
Но тянуло в зной.
Пусть глаза горчат,
Но глаза хотят.
Не хотеть — не жить.
Каждый добрый-злой.
Не было слепоты.

В глаза стекают струйки челок:
То, что есть, губит прочее.
Замороженный жребием
Требует присужденного.
Сужен взгляд, сплюснут шорами.
Шорохами прихваченный,
Порченный, схвачен челками,
Жален пчелами, сцапан в челюсти.
В глаза стекает челок щелок.

Человек незряч!
Посмотрите: вот он я.
Для чего-то нужен он,
Сделанный не так как все,
Но живучий человек.
Он-я-он не смог того,
Что умеют делать все,
Но пускает свой росток,
Распускает свой цветок
Под пчелиный хоботок.
Не глаза, а хрящ!

Под взглядом василиска
В темных очках,
С пачкой газет,
С лозунгом дня,
С барской спиной,
С рабской спиной,
(Под взглядом василиска)
С водкой, женой,
В деле, во сне,
(Под взглядом василиска)
На берегу,

С книгой, в кино
Всякий веселится.

Середине я враг
Но я не враг середине,
Не нужен враг середине,
Не нужен враг середине
Творима жизнь серединой,
Оплот всего — середина
Отец и мать — середина,
И я рожден серединой
И отдален серединой
И наделен серединой
И обделен серединой
Середине я враг.

Сколько ушло в трубу!
Зоб забот,
Сыпь забот,
Зябрь забот,
Сев забот,
(Зов забыт,
Зев забит)
Зыбрь забот,
Зуб забот
Жует и жует губу.

Нет, я не пуп земли.
Я — состригаемый ноготь,
Ворота мне мажет деготь,
Я — недокусанный локоть,
Гвоздь заржавелый — дергать.
Я от пупа вдали.

У Бога портфель, кабинет.
Рок — Прокруст.
Будет хруст
Ног и рук
И голов
Беглецов,
Мудрецов
И творцов.
(У Бога портфель, кабинет)
Тот кто пуст,
Без искусств —
Мук и пут

Избежит.
(У Бога портфель, кабинет)
Против нас
Небеса,
А за нас
Чудеса,
Которых на свете нет.

Яд липкий, лизкий
На моих губах,
На моих щеках —
Слизывать близким.

Яд, что во мне,
Слизывать мне.

Не надо обелять.
Я понимаю, что все во мне,
Что я живу на краю земли,
Что я на свет рожден невпопад
И я живу потому что лгу.
Я сознаю, что таков закон,
И что бежать и бежать — судьба,
А я уже скатился с горы.
Предчувствия болят.

Я неотделим
От ловчей шапки,
От волчей хватки,
От тесной клетки,
Куда б ни шел я,
О чем ни думал —
Я чую этот
Проклятый циркуль:
Окружность чертит,
Меня минуя,
Окружность чертит —
Обвел земную.

Он неумолим.

Затопят последние
Рудники . . .
Растают последние
Ледники . . .
Устанет ли эгоцид?
Отстанет ли эгоцен?

Скатившимся с горы
Личное
Вечное
Истина
Женщина —
Данайские дары.

Сонеты из слов

1

Руку в будущее запускаю. Как в буфете
В детстве, привстав на цыпочках,
Шарю на слишком высокой полочке:
Наощупь ищу конфеты.

Мне попался в детстве кусочек мыла:
Я принял его за кусочек сыра
И раскусил. Вот опять заныла
Память об этом кусочке мира.

Будущее и прошлое . . . Торжественно
Хочется говорить о Былом и Грядущем,
Вспоминать и вступать — жертвенно.

Настороженно идущему
Что сказать об эфирном, мертвенном,
Эфемерном Сущем?

2

— А где же люди? Где же хлеб
Их отношений? Где их ноша
Забот, работ, их быт и пот,
Где жизнь, которая *живот*?

В какие глубины брошен лот?
Жуки их тяг и неохот,
Их отвращений и причуд
Приколоты к листам картона?

— Я верю: человек — корона,
И не спускаюсь ниже лба.
У каждого во лбу звезда.

Я вижу балдахин над троном,
Где нарисована судьба.
А зал я вижу озаренным . . .

3

Теперь я вижу, что меня
Тревожит все одно и то же:
Насилий мрачная родня
И нежность обнаженной кожи.

А под руки меня ведут
Поспешность и боязнь огласки.
Как на свечу на разум дуть
До обморока любит ласка.

. . . И знание заранее
О розовых и лазоревых,
Разорванных и разворванных,
О зарезанных заревах,
О заразных разорениях,
О возрасте и трезвости.

4

Я тем догадлив, что податлив
Лукавый смысл всего на свете.
Он пронизывает словно дым,
Но демон тайны — демон дыма.

Незримо? Да. Но проходимо:
В завесу тайны входят танки.
Я думаю, что размышляю,
А сам точу топор поступка.

Падет податливо и хрупко
Подпиленная крона дыма
И вспучится последний клуб.

А новый дым растет из труб.
Быть может, в трубных жерлах — глубь,
Но их геенна нестерпима.

5

Как отражают зеркала
Правдиво, страшно, точно! Есть
Глухая шопотная лесть
Несеребренного стекла.

Расправит ретушная мгла
Морщин надломленную жесть,
С лица налет слизнет и съест,
Собьет гнездо, что злость свила.

Я никогда б вернуть не смог
Все брошенное мне. Гашу
Удар, как некий парашют.

От правды урывая клочок,
Я возвращаю только часть,
С которой можно все начать.

6

Прекрасное лекало
Обведено сто раз.
Две сотни рук и глаз
Его обвод ласкало.

Так у Леонкавалло:
Страдание не страз
А подлинный алмаз,
Что скрыт от театрала.

Вот кто-то после ста
Ведет концом перста,
Откинув покрывало.

Его постигнет то,
Что прежде не карало
Предшествующих сто.

7

Смерть берется за футляр
Очков. Детство было недавно.
Жизнь так сжата, что нулевым
Кажется всякое время.

Любовники — любители ягод
Шиповника с колким ворсом
Зерен. Любовь — сознание тела.
Сила — вектор. Слабость — скаляр.

Все существует вместе
Как будто стену церкви
Расписывал некий маляр.

Умереть — не более больно,
Чем удалить маляр
В зубном кабинете.

8

Я вновь описываю эллипс,
За забытое держась,
А отлетавший дирижабль
Я в память завожу как в эллинг,

Но в памяти храню как эллин
Все мифы. Мне терять их жаль,
Но в уши бьет деталей джаз
И фактов мегафон нацелен.

Деталей мнимая беда
Как повседневная еда
Горит в огне метаболизма.

Печалью рождено тепло.
А неба вогнутая линза
Чудесно уменьшает зло.

Лишь парой слов, как парой вех,
 На трассе обозначен слалом,
 Но чей-то искупая грех,
 Поэта тяжесть в путь послала.

Чудовищная сила слов!
 Обломок пальца, кончик носа
 Нашлись в обломках старых снов
 И жалят в губы словно осы.

Семь смыслов промеж слов. Поэт
 Заполнить мрамором пространство
 Дает безадресный обет.

И гость из мира вариантов
 Нагим является во свет,
 Который требует гарантий.

Запечатление того,
 Что было в первый раз (импринтинг),
 Надолго метит существо,
 Как след от капельки ипритной.

Приходит сладостный повтор
 Уже отведанного крема.
 Ты машинально шрам потер
 От вызубренной теоремы.

Приходит Третий Раз беспечно,
 Но словно наложили жгут
 И обездвижена конечность.

На жест подзуживает зуд,
 Но ты не сделаешь, конечно,
 Того, чего привычно ждут.

Мы не слепые. Но незримо
 Несется что-то с лязгом мимо,
 И мы в мучительной работе:
 Назвать его необходимо.

Его двойник — товарный поезд:
 Такой же ветер тронул щеки,
 С началом и концом, как повесть.
 Вагонам счет ведем запоем.

Как это просто: ветер, звуки
 Описывать. И нашу немощь
 Познать его, присвоить имя.

Да, то, что с лязгом мчится мимо,
 Как трудно нам назвать! Мы немые,
 Хотя оно совсем не мнимо.

Мы пересекаем прошлых жизней океан,
 А вокруг — грядущих жизней каменный туман,
 Люди, что живут сейчас — на нашем корабле.
 Что же в этом мире уподобится Земле?

Старость выливает в океан и наш стакан,
 Старость бьет и бьет по нашим лицам, как чекан.
 Старость нам каюту приготовила во мгле.
 Неужели Землю уподобим мы земле?

Не с кем нас сравнить, и никого нет кроме нас,
 В зеркала смотрите на разрез прекрасных глаз.
 Мы — Земля, прекрасны мы, живем в последний раз.

Те кого мы любим — это наши острова,
 Это — наши горы, наши реки и трава,
 Это — наши маки, наши муки и слова.

Этюды для левой руки

1

Не потому ли
Мы не хотим признать, что поэтичны
Автомобиль, ракета, микроскоп,
Что знаем цель и смысл существованья
Предметов этих?
А человек, природа, звезды,
Страдание — зачем?

2

Нет, никакой не надо вечной жизни,
А только чтобы кто-то видел нас!
Когда никто не видит —
Нас нет.

Отнять страдание у человека,
А если невозможно —
Сказать: простите,
Я ничего не смог.

3

Больно думать!
Как больно думать!
Любить больно.
Но нет иного эсперанто:
Любить и думать
И умирать.

4

Мы, маленькие недоевропейцы
В кургузых и засаленных обновах
Не разлучаемся с котомкой.
Когда нас отпускают патриархи,
Котомку оставляем дома,
К котомке привязав конец шпагата,
Уходим и моток шпагата
Разматываем по дороге.
А что в котомке?
Там тити, бобо, дуду.
А как сказать иначе мы не знаем.

5

Смотрите, все мы живы!
 Железо — только сон.
 Мы клонимся как ивы
 К реке времен.

Из нас не получился
 Новый человек:
 Чтоб пуговицы глаз
 Проделись в петли век.

6

Луны печальная медаль
 Односторонняя. Двойное
 Все прочее: любовь, печаль.
 Печаль — как долгая педаль
 Вдали поющего органа.
 Орнаментальные верхи
 Любви — вершат и предвещают
 Потерю. Ласка дорога нам.
 Народ, земля — неразличимы.
 Любители запавших клавиш
 Немногочисленны и вместе
 Не могут встретиться. Железо,
 Бетон, бумага, медь, стекло —
 Прекрасны. Это наши камни.
 Любовь — наш общий отчий дом.
 Боль — наша родина. Трудом
 Мы лечим боль. Эфемериды,
 Мы камни покрываем сном.

7

Мы — из единого корневища,
 Из одних и тех же молекул,
 Одну и ту же глазную пищу
 Сосем с одним и тем же млеком.
 Но это случилось:
 Свершилась великая дивергенция:
 Отпочковалось, напичканное,
 Племя нобилей, с болью двоякодышащих
 Былью и небылью.

Одиночество

1. Благословенное

Кого-то нет,
Чего-то нет:
Воздушный тлен,
Всеобщий план,
Сибирский плен.
Один стою —
Один, один:
Как сэндвич из
Души и льдин.
Проколот шар —
И белый пар
Свободных чар
Меня облек —
И я далек,
А вдалеке
Все, кто не-я —
Как в молоке.
Благодарить,
Боготворить!
За пустоту
И за досуг
Благословен
Сибирский плен.

2. Груд души

Не в тягость одиночество:
Оно — привычная работа, служба, труд.
Заботы и дела уходят,
А тишина — как шмель или гудок,
Или звонок будильника: пора!
Шурша, работает душа,
А где-то начисляют плату.

3. Ночное

Ложась в пустынную постель,
Кладут еще одну подушку рядом.
Так мертвых древние снабжали
Едой и утварью.

Творят свою работу сны.

Пустыни утренней
Не сразу дунет ветер,
Особенно когда примять
Заранее подушку кулаком.

4. Уличное

Витающий в облаках —
Пилот воды,
Житель плотной среды,
Который ищет Одну,
Бродя по дну,
Где все переломляется.
Он идет по улице,
Несет на себе свою воду,
Как ядро — протоплазму.
Кто слишком близко —
Захлебнется,
Кто слишком далеко —
Ошибется,
Кто в меру — насосется.

5. Эгоцентрическое

В безветренные времена
Ползу по собственной струйке дыма
Туда где вышита вышина
Инициалами моими.
Спускаюсь по собственной струйке желчи
Туда где красный прокол костра
Светит все дальше и мельче.

6. Мимолетное

Как будто холод с темнотой,
Одной и той же железой
Излитые, текут меж сосен,
Стоящих в лунках на снегу.
Вечерним мартом шум несносен:
Иду, придумав, что бегу,
Но выхожу на фонариный
Восьмиконечный желтый писк.
Звезда ведет верхами сосен
К щепотке дальних желтых искр,
Ведет к схождению укусин —
Двух кромок леса с двух сторон —
Иссня-черных, как гудрон —
Аллеей, вытекшей из кросен
Искрящего вдали ткача,
И холод с темнотой соча,
Стареет просека меж сосен.

7. Познанное

Одиночество! Ты больше
Не мучительная топь.
Одинокий стал понятен:
Одинокий — изотоп.

Словно удочки закинув
В пересохший водоем,
Чудаки, но по закону
Мировому мы живем.

По закону отклонений:
Середина — каннибал:
Кто ходил с букетом ксений,
В середине погибал.

Но природа с нами. Снова
Наплодят нас времена,
Если смерть от середины,
Как всегда, нам суждена.

8. Вдвоем

. . . Одинокие среди чужих
Не грезим мы как кедр о пальме:
У каждого кольцо на пальце,
Хоть пальцы гибки как ужи.
Никто из нас не уникален:
Я — атом примеси в кристалле,
Другой ближайший — за сто спален.
Мы примеси, что осознали
Диаспору своей породы . . .
Мы, одинокие, могли бы
Отпочковать свои народы,
Когда бы семена не гибли
В бумажных фунтиках пародий.

9. Гордыня трусливых

— Не хочу радости-заразы от кого-то,
Хочу радость рожать, хочу до рези
Чуда самозарождения, ибо
Саморазрушение пересилит если
Радующий пересолит.
Нет, нет! Зараза-радость впитается,
Укорениться, вмерзнет-расширится.
Нет! Узрев-разрыв, глаза раскрыв-кровь,
Кровь-любовь, ночь-дочь . . .
Нет, язык язв и порч — прочь!

10. Молитва одиноких

Во всеобщей ртути духа —
Лоно всяких амальгам.
Что в глаза вкатилось нам —
Растворясь, идет к ногам.

Так трудна работа духа,
Потому что дух — не кровь:
 Это — ртуть.
 Духа путь —
Вверх, но также вкось и вкривь.
Всё по щиколотку в духе:

Сода, сад, или досада,
Грех, горох, гора, игра.
Нет ни зла и ни добра,
Чтобы выпало в осадок
Иль засохло как кора.

Дух-улитка, высунь рожки,
Покажи звезду-дорожку,
Чтобы души-хромоножки
Шли навстречу по лучам.

11. Достойное сожаления

Одинокий, бездноокий,
Бедный, бедный, как безносый,
Как безногий — одинокий.

Одинокий горожанин —
Как простуженный южанин:
Угодил в рефрижератор
И мечтает о пожаре.

Одинокий прорастает
Через прорубь — к просто людям.
Одинокий с одинокой —
Пахнет небывалым чудом.

12. Любовь одинокого

Любовь — барашки духа,
Плывущие по сини.
А плоть — как плод осенний:
Подсохнет плодоножка —
И яблоко в корзине.
Султаны и плюмажи
Кивают за забором:
Быть может и миражи,
Но дух от них заборист.
Увы, кто одинокий,
Обычно не напорист.
Хоть эрос тычет в спину:
«Избавься от занозы,»
Но тот, кто одинокий,
Пугливее мимозы.
«Тверды мои лимоны,

Мой умысел нечаян. . .»
Смеется одинокий
Над тем, что так печален.

Безлюдно, безладонно . . .
И одинокий тает,
И встречную ласкает,
И пьет как белладонну.

Сроки давности

1

«Чтобы всего много!»
Но — мало.
Зато — как жало.
Жало? Белым шито.
Не могу, не могу,
Не тормошите.

2

По улицам, по комнатам развешанные ленты —
Бесплотного прошлого плоские элементы:
В невесомых — шорохи: это перемены.

Ползут нови шурша, журча под лунные триоли,
Приумножаются ленты — а их так пололи:
Рвали с неба, с потолка, руки вдев по локти.

Перемены проползают в бахrome и травах.
Невозможно напрямик, только в кружных забавах.
Торопливый, не спугни, не скрипи зубами.

3

Ты рожден, чтобы не пустовала
Должность нетерпеливого.
Нетерпение — миссия.

Ожиданием до отвала
Напитан, как грядка ливнями.
Изменение — мистика.

Как жажда ходьбы у паралитика —
Жажда нового — это твоя паранойя,
Одноногое дерево, твой парадокс.

4

Нам выпала судьба
Обман, а не стрельба.
Но все мы плохо кончим:
 Уксусом и желчью
 Запьем еду и женщин,
 Зальем страницы книг,
Но в самый крайний миг
Не выпрямим горба.

5

Скрипит ассоциатор,
А импровизор чертит
Фигуры Лиссажу.
Что это за театр,
В который я вхожу?

Прощальная эпоха:
Двадцатый век. Дождем
И мартом смерти пахло
И снегом над вождем.
Что с нами будет? Ждем.

Мучительное время
Я меченый, но юн.
Тать-плоть и смена лун.
Познание как вьюн.
И мне не быть со всеми.

Моя любовь смешная:
Платон и сублимат.
А как это иметь?
Как взять — и знать не знаю.
И брать — себя ломать.

Эпоха обновилась,
Открылась гиперложь.
Наука не подложна!
В химический стакан
Ползу как таракан.

Дух знания любезен
И предлагает очень
Возвышенную цель,
Но он под видом бездны
Подсовывает щель.

.....

Опять я одинок.
И встало человечье.
За худенькой фигуркой
Бегу, четвероног,
Роняя белый сок.

А дальше — много бед,
Но им не вышел срок.

6

В башмаках-пудовиках
Я танцую до отказа,
Три нарцисса сжав в руках,
С балериной в легком газе.

На подстриженной траве
Я танцую с балериной
Как с пушинкой тополиной
На пиджачном рукаве.

На толченом кирпиче
Я скачу как на пружинках
С тополиною пушинкой
На узорчатой парче.

Гамлет

1

Натюрморт из скрипок,
Канцелярских скрепок,
Шор и сапога.
Смерть или поступок? —
Хорда и дуга.
Путь через врага?
Или своеруко?
Хорда — тетива,
Что короче лука.
Так и так — тупик.
Ломаная мука
Или напрямик?

2

Троянский конь — моя душа,
Троянский конь. А тело — Троя.
И в судьбах близких я — троянский конь.
И в Будущем — троянский конь: Былое.

В противоборстве равных сил
Судьба изобретает хитрость,
И нет врага, чтобы ее сломил.

И хитростью вторгаясь, данайцы побеждают,
И тело умирает, и торжествует дух,
И близкие печальны, и все идет как надо,
Две даты остаются от личной Илиады.

Но кто кроме меня,
Идущего на убыль,
Свою судьбу кляня,
Ей смастерит поступок:
Троянского коня?

3

На парности взошла мировая опара.
Противоположности — истинны и равны
По мощи, ибо ни одна не побеждает,
Но разум не выберет между ними никогда.

Они равнозначные? как право и лево?
И волен поступать? как угодно человек?
Так было бы если б не антисимметрия.
В антисимметричный наряд одет Арлекин:
Из двух половин его костюм, он двухцветен.
Так маски бывают, где слева плач, справа смех.
Когда чайка парит на крыльях антиномий,
Когда она описывает некий вираж —
Всегда одно крыло выше другого.
Две антиномии — из разного вещества:
Если мы уходим в противоположность,
То непременно меняется что-то еще.
Так, иное время года у антиподов.
Так будущее достижимо, прошлое — нет.
Плоскость, в которой антиномии — наклонна:
Куда бы не попал поступка нашего шар,
Он катится только в одну сторону.
В этике нет ничего от двускатности крыш.

4

Материя — узоры,
Но дух — ее канва,
И ерунда, что в спорах
Материя права.

Из двух: добро и зло —
Добро — как руль у лодки,
А зло — ее весло.
(Иной синоним: локти).

Дух — воздух, вечность — море:
Друг другу как тупик,
Но в пене категорий
Является язык.

Как женственно добро!
А зло — причинный фаллос,
И жизни серебро
Из них двоих ковалось.

Мольер свободы воли
Являет свой театр:
Иди в целинном поле
Тропинку проторять.

Сближаются стремглав
Любить и *Ненавидеть* —
Как добрый Голиаф
В борьбе со злым Давидом.

Свобода — это выбор.
Духовность — выбирать.
Не выбрал, значит — выбыл.
Сомкнись, щербатый ряд!

Кричать или ворчать,
Охать или ахать —
Ткань жизни как парча,
А смерти — черный бархат.

5

Все упорядочится, превратится в кристаллы,
Прорежутся незыблемые орбиты,
Неопределенность покинет нашу атмосферу,
Как покидает ее водород.
Беспокойство покинет наш род.
Сущее будет воистину разумно,
Потому что не будет альтернативы
И варианты будут убиты.
Это называется: уменьшение энтропии,
Которое все мы так торопили.
Мы покрывали энтропией шар,
Как птицы слоем гуано
Покрывают птичьи базары.
Согласно Эрвину Шредингеру,
Мы питались отрицательной энтропией
И только потому были живы.
А искусники многорукие наподобие Шивы
Потрошили кварки и квазары.
Мы выискивали энтропию друг у друга,
Как обезьяны ищут в голове блох.
Когда мы работали, подписывали бумаги,
Вступали в союзы, общества и браки
И прижимались к Единственной — а
Энтропия Единственной нулевая — в экстазе,
Энтропия падала в унитазы:
Мы выкормили общество и цивилизацию,
Перегружая энтропией канализацию.
А теперь наши надежды, мечты и фантазии,
Желания, прихоти и капризы

Валятся как обветшалые лепные карнизы.
И мы замерзаем. И нет антифриза.
Есть только должности и рабочие места,
Партнеры, функциональные как верстак.
Последняя эманация неопределенности — тоска
По *может быть, кто знает?* и *просто так*.
Цивилизации нужен наш известняк.
Безразлично, гений или середняк,
Нужны наши раковинки и скорлупки,
А не сами мы:
Мягкотелые, малюсенькие, глупенькие,
Претенциозные моллюски . . .
Таковы законы природы. Нам ли
Колебаться, как некий Гамлет?

6

Тебя подстрекает призрак, Гамлет:
История, абстракции и книги.
Прислушайся лучше: в остром гаме
Женственно шепчет Nihil.

7

Эта тоска по утрам, тоска по утрам . . .
Фруктовая косточка сна во рту задержалась
И давит на десны, тревожит язык.
Но смерть уже десять минут как не спит.
А может быть сон задержался
Как некий Ромео?
В эти минуты легко умереть.
Когда начинается день-кинолента,
На утреннем срезе я вижу двуслойность:
Священный узор серебра в желатине
Наложена на пленку прозрачную,
На ацетат целлюлозы.
Когда же износится лента, будет заметно
Устройство ее в неожиданном месте.

8

Самец имеет самку,
Закон имеет случай,
Назначен ангел черту,
Повенчан с югом север,
У жизни смерть под боком.

А я с кем в паре? С Богом?
С женой? Или с микробом?
С врагом? Или с подругой?
С самим собою в детстве?
Или с собою спящим?

Когда я лягу в ящик,
Меня уже не будет,
А мир пребудет вечно,
Как был передо мною.
Так мне и мир не пара?

И у земного шара
Семья: планеты-сестры,
Семья у солнца — звезды,
У тополя — деревья,
А у монеты — деньги.

А я в какой шеренге?
В каком особом слое?
В какой живу ячейке?
Среди каких братьев?
Кого зову женою?

И почему я ною
О паре или праве,
Когда давно известно:
Судьба — мой враг и пара,
Судьба — моя невеста.

9

Не взвешивай, Гамлет,
Не взвесишь.
Не надо решать: не решишь.
По очень простой причине:
Нет наименьшего зла.
В этике нет нуля:
Так много всяческих Я,
Как звезд в небесных пустотах.

Возможное может не сбыться.
Но невозможное — НЕ
Сбудется, НЕ превратится,
НЕ выплывет никогда.
В этом мире опора
Только НЕТ, а не ДА.

«ЧЕГО ТЫ НЕ МОГ НЕ СДЕЛАТЬ?» —
Первый вопрос суда.

— • • • —

* * *

Окончены годы ученья,
Исписаны лист за листом,
И ты предвкушаешь отмщенье
Во всем, что случится потом.

Все то, что в прошедшем назрело,
Все вытекло разом в разрыв.
Ты выльешь ли Главное Дело,
Прошедшего не повторив?

Где нет ни рассудка, ни веры,
Где нет ни оценок, ни цен —
Ты выберешь точку на сфере?
Ты выберешь центр?

Там форма — кора,
Там рифма — искус,
Там внешнее — бешеный волк,
Там символ — корчумый куст!

Настала пора:
Ты умолк.
Ты пуст.

1976

НА КВАДРАТНЫХ КОЛЕСАХ

* * *

Все прекрасны. Все добры.
Всё волнует. Всё прощально.
Мы выходим из игры.
Мы конечны. Всё начально.

Плотный плод в плену у губ
И травинки тонких талий
Включены в стеклянный куб:
Мы гонялись. Мы отстали.

Мы хотели вжиться в цель.
Цели, цены, цепи — ржавы.
Мы уходим вжаться в щель.
Мы стоим у переправы.

* * *

Над нашим детством
Монгол
Долго читал монолог.
Над молодостью
Шут
Протрубил ободряющий туш.
Мы созрели —
И под царем Николаем
Околеваем.

* * *

Без конца колотясь в амплитуде:
Нетерпенье ———— печаль,
Потихоньку сдвигаться отсюда
По дороге в магнитную даль,
Где как маки цветут маяки.
Вопреки, вопреки!
На немногих попутных законах природы,
Проломив тупики —
И разбиться о стекла-призывы.
Все достигшие — так некрасивы.
Не достигшие — так велики . . .
Кто разбился — глаза-васильки
Гневно сеет в полезные нивы.

* * *

Трагический мазок
На трогательной маске.
Земля, трава, кусты,
И между ними — вplавь:
На ласковый мазок,
По ласковой указке
Стремглав. . .

* * *

Еще нам не привычно
И гладко не вполне
Сожженье птицы-феникс
На белой простыне.

Еще не угнездились,
Преодолев испуг,
Кочующие пары
Ладонекрылых рук.

Еще при поцелуе
Всплывает пустота
Из полного скольженьем
И тающего рта. . .

* * *

Опавшие, сухие
Шуршали листья лестью
Лиловым, красным, синим
Губам и волосам.
Тебе, синеволосой
Шуршали листья леса:
Ты шла по голосам.
Кто был пером вороньим,
Был облетевшей веткой,
Был улетевшей стаей,
Тот стал твоим твореньем
И обратился в слух:
Былые листья лета
Шуршали под ногами
Как маленькие латы
Твоих погибших слуг.

* * *

В город вечерний,
Смутный,
Словно сделанный вчерне,
Кое-как, попроще,
Мы выходили из рощи,
Как из пролома в стене.
Но веские,
Резкие вывески
Не оставляли сомнения,
Что не убережешь от сминания
Воспоминания
О том, что было со мной
И с нами
За стеной,
В дубовой роще,
Что было снами,
Навеянными руками и губами
И краткой мелодией на волынке
У дерева, где на ветке
Навеки
Я привязал травинку.

* * *

Мои дети не вышли ростом:
Радость и Печаль мне только по пояс,
Если Радость захочет дунуть мне в ухо —
Становится на плечи Печали.
Если Печаль захочет меня обнять —
Влезает на плечи Радости.
Иногда мы все втроем падаем на пол
На глазах у той,
Которой достаточно стать на цыпочки.

* * *

Пока стареющая жвачность
Уйдет в земной всеобщий сок,
Пусть мне набухшей жилкой вечность
Прочертит вянувший висок.

Кто молод, тот желает молний,
Как все — я был. И был как все.
Но слышу шорохи молений
На колесе и в колесе.

Я не хочу, чтоб все восстали
И жар переродился в жор:
Хочу, чтоб свежие постели
Стелили снег, судьба и спор.

Короче дни, протяжней длины
И круче горбится уклон,
Но движутся со мной как луны
Лицо, загадка, ласка, клен.

* * *

Сухих кленовых полувезд
Мы наберем для желтых гнезд,
Но гнезда эти разорим
И их сожжем, вдыхая дым,
И выдохнем огромных птиц,
Взлетим на них над морем лиц,
Но где-то порознь упадем:
И я дождем, и ты дождем:
Я — как осенний хмурый дождь,
А ты — до лета подождешь.

* * *

Не надо слов:
Слова — на слом.
Задумал — стер,
Смахнул в костер.
Туманит зеркало душа,
Прикосновением дыша:
Она жива, забыв слова
И сбросив речь
Как шубу с плеч.
Для прикоснувшихся умолк
Косноязычный кривотолк.
Рука — рука:
Как облака,
Как молоко —
Текут привычно и легко.

* * *

Из глины мы, из глины,
Из глиняной лепешки,
Но кто — из середины,
А кто — из крайней крошки.

Касательные мира
Касались нас, касались
Всем законным *мимо*
И ликами красавиц.

Мы не венец, а обод
Сухой и обожженный.
Из мягкой середины
Приходят наши жены.

Пока из наших трещин
Клубится дым разлада,
Оттуда голос вещей:
«Нам ничего не надо.»

* * *

Печальные, прощальные, плохие времена:
В бессонице-бессолнице не достаю я дна.

Наклóнен новонайденный мой социальный слой,
Качусь туда, где чудится: больной, бездомный, злой.

И так навис безвременья изъеденный карниз,
Что оборотень-оползень с откоса целит вниз.

Мигает лунно-солнечный двуглазый светофор,
То тает настроение, то стынет в сотне форм.

Наклонена душа к тебе одной из хрупких стен,
И все перелилось туда, усугубляя крен.

Болезненно зажат с тобой связующий сосуд,
И все кипит что копится, и зимы не спасут.

* * *

Я только в боли — свой,
А в счастье — чужеземец,
В страданьи — с головой,
А в радости — сощурясь.

Я радуясь молчу:
Я знаю: будет камень,
И будет палачу
Указан день недели.

Опять несет весна
Хозяйский запах горя.
Душа ему верна,
Но смотрит в лес по-волчьи.

* * *

Я не хожу по канату,
Не хожу по лезвию меча,
Дамоклов меч надо мной
Подвешен на толстом канате.

Но надо подождать:
Что-то должно случиться,
Что-то стучится,
Что-то запоздало.
Я сплю спокойно,
Но что-то
Тянет с меня одеяло.

* * *

На вершине. Белые ручьи
Источаем. Пахнем легкой прелью.
Комната чужая. Мы ничьи.
Мы одеты в руки-ожерелья.

Много рук. Они текут рекой.
Мнимому — конец. Я — с настоящим.
Я нашел. Спокоен. Но покой
Обречен, как допотопный ящер.

* * *

Иносказание весны
Легло на новую бумагу.
Сквозь чернозем из глубины
Струится пар зеленой влаги.
Двойные тени сплетены
Под лунным оком Полифема,
А одинокие темны,
Больны, доверчивы и немы.

* * *

Ничто не помогло:
Ни ночь, ни десять дней,
Ни сто. И не помогут годы.
И с каждым годом все бедней
Мое уменье ждать погоды,
И с каждым годом все больней
Допрашиваться и зависеть,
И с каждым годом все слышней
Зовут глубины или выси.

Нельзя, немислимо любить,
Когда по-детски плачет совесть!
Когда как древний трилобит
Улягусь в каменную повесть,
Другие души поспешат
К моей в конце земного срока,
А совесть вечна как душа,
Но только вечно одинока.

* * *

Течение среди равнин —
Плохой, смертельно долгий сон.
Мы живы только у плотин,
Где копимся и не течем.
Там пасмурный, холодный дом,
Где мы на время не умрем,
И в невесомости глубин
Мы полнимся, и здесь растем,
Пока любовь преграждена
Или преграждена страна,
И боль нам шепчет: умирай . . .
Переливаясь через край,
Мы навсегда уже полны
Могучей, хмурой тишины.

* * *

Мраморность разрыва . . .
Прожилки нежности и не-
нависти. Ненависти?
Как возможно
все это? Мы как в полусне,
мешаем то, что еще будет,
и то, что было как во сне,
во тьме что было, в тишине.
А то что будет — как извне
в окно, разбив стекло,
влетевший камень.
Но мы как будто в стороне
стоим и смотрим: на стене
рукой начертано: *Мене,
текел, фарес* . . .

* * *

Кого-то тянет зеркало,
Кого-то водоем . . .
Меня — *вдвоем*.

Что было между шорохом
Проснувшейся души
И отсыревшим порохом?
Ушиб.

Любовь была холодная
И ломкая как лед.
Подледное течение текло:
Расчет.

Журчал и приговаривал
Навязчивый мотив.
Я стоял насупившись
И руки опустив.

Опять по мне ударили.
И я звенел и ныл
Как колокол, но около
Холода — застыл.

* * *

Все прошлое подвержено текущему,
Что дует на былые флюгера.
Текущее мгновенье морщит воду
Давным-давно покинутых озер
И раздувает брошенный костер.

Текущий миг — игла с продетой нитью.
Две нити за иглой:
Желанье и отказ.
Две нити: возрождение и казнь.

И каждый новый слой
Играет узелками,
И вздрагивает все, что было с нами,
И вскрикивает словно под пилой.

* * *

Связки ожиданий,
Перевязанные временем,
Клубки времени,
Намотанные на клочки утех,
Надежды
Со связанными временем руками,
Наметанные ниткой времени
Бальные платья,
Которые не будут сшиты,
Виселичная петля
Из прочного времени,
Которое никак не оборвется.

* * *

На квадратных колесах
Мы катили вдвоем.
Почему не на круглых —
Твоем и моем?
Почему не привычным
Пуговичным путем?
На квадратных колесах
Мы катили вдвоем . . .

* * *

Безначальный кафкианский иск,
Искажающие зеркала,
Ласка до потрескиванья искр,
Искренность, что колет как игла,
Гладкие и зыбкие холмы,
Мытарства, морока, маята,
Тайные записки из тюрьмы,
Мысли, что колотятся в борта
Так, как в трюме мрущие рабы . . .

Рыбы мы, нас вынесло на пляж —
Ляжет сверху веский пласт судьбы.
Быть живым — мираж или муляж.

* * *

Поваленная береза . . .
Уже никого не осталось
На этом насесте:
Ни нас, ни сидевшего с нами
Двукрылого *Вместе*.
Я снова вцепился когтями
В родную соломинку духа:
Когтисто-пернатая рыба,
Тону, где землисто и сухо.

* * *

Мы все должны проплыть сквозь ясность
И мимо острова сирен,
Где пахнет сладкая опасность
И дразнит ноздри тонкий тлен.

Мы все плывем сквозь эти воды,
Но знает только Одиссей:
Во все пазы втекают годы,
Корабль до палубы осел.

Мы все привязаны к сиденьям,
И он всем нам оставил слух,
И смерти твердь ласкает пеньем
Его жизнелюбивый дух.

* * *

Быть может, дух — вода,
И прав Фалес,
И дух дождем с небес
Живительно шумит.

Дух — океан, основа,
А бытие и мысль
Наносятся на карты
Как остров или мыс.

А молоко и семя
Текут сквозь время.

* * *

Жара от чувственного счастья
Переходила в медный зной,
И ты была совсем со мной.
Потом я скатывался в воду
И окунался с головой
И дух, испуганно вспорхнувший,
Кружился, разгоняя пар,
Огромный дух, звенящий в уши
Негромко, робко — как комар.

* * *

Я знаю, что все подстроено.
Я — как фальшивое чудо:
К моим нарисованным глазам
Идут резиновые трубочки
С подсоленной водой.
И все же,
Когда я плачу,
Разрывается
Мое несуществующее сердце.

* * *

Лето на исходе,
Горе на подходе,
Силы на излете.
Мысленно
Тысячу раз
Покидал я родину.
Пальцы жизни,
Зачем вы мнете
Мою смородину,
Мое черное сердце,
Мою черную любовь,
Пускающую красный сок
В белый песок?
Я не хочу быть живым,
Я не хочу быть лживым
И заготовленным на зиму.

* * *

Приходите в мою душу собирать звезды:
Они были крепко сияющими, крепко сидящими,
Как хорошо забитые гвозди,
А теперь они шатаются и падают.

Плохой сон застрял в моих глазах и во рту,
Как в церковных окнах нечисть Вия,
Время барабанит по мне дождем
И мои кошмары как свежие розы:
Свежи как живые.

Уже пропели третьи петухи,
Но приходите: чем никогда — лучше поздно.
Здесь безумная кукушка насиживает стихи,
И падают звезды, хотя еще немного звездно.

ОБРУЧЕННЫЕ ДЫМОМ

1

Ты — как дерево:
Ласки как листья
Сбрасываешь,
И снова — почки.

Ты — чаша:
Не боясь пролиться,
Передаешь
Себя по цепочке.

Новые пальцы
Выберут жемчуг
Из бахромы
Твоей жемчужницы.

Скорей бы губы,
Что целуют и шепчут,
Стали сухими
И чуждыми!

2

Капли шлепают в темя:
Опять ... опять... опять...
Неполадки в моей системе
Трещат, скрипят.

За пере- или за недо-
Эта расплата,
Эти беды?
Мой разум разъят и распластан
В поисках нового кредо.

Мозг — арка под гнетом
Тайн и откровений.
Под аркой — осенние гнезда,
Муравейник.

3

Обрученные дымом
Два столбика пепла —
Мы не окрепли
Перед необходимым,
 неизбежным,
 зловещим.

Этот мир не завещан
Жестоким но нежным,
Этот мир не завещан
Нежным но нелюдимым.
Свадьбы здесь не дождутся
Обрученные дымом.

4

Плыви, кораблик!
Снова сентябрь —
Время яблок.
В том сентябре
Волосы были лиловые.
Нынче — пепельный флаг,
Новый флаг:
Смешение новых влаг,

Новых брызг, искр.
Время новых астр:
Новый остров, рот,
Новый острый рост.
Неси, кораблик,
Новый груз.
Никто не ограблен:
Целость уз,
Целость оков.
Ветер — в волосах-парусах.
Время новых снов, слов.
Мой флаг снят.
Мои слова спят.

— о О о —

* * *

Вернулись ледники!
Мы — пленники-наследники —
Восхищены морозным серебром,
И радостный, в клеенчатом переднике
Нам улыбается Стоящий-с-Топором.

Тела и души как сосульки хрупки,
Разносится красивый красный звон,
И алыми гвоздиками обрубки
Украсили счастливый марш колонн.

* * *

Мы теряем дом
И теряем дым
Отечества,
Чтобы тонкой струей
Влиться в Содом
Человечества.

Все кто жили с трудом
И со стыдом
В рабстве —
Каждый сам по себе,
Но пока мы идем —
В братстве.

* * *

Душа, размягчаясь как в горне
И плавясь — решается вдруг
Излиться в причудливой форме
И вылить зловещий испуг
В ладони охваченных счастьем,
Забывших про водоворот,
Плывущих, смеясь над ненастьем
Вперед.
Но вытолкнув в тесную лётку
Тяжелую злую струю
Она отливает им лодку,
Маяк и приют.

* * *

Эта любовь
Была как война:
Я затемнения
Не снимал с окна.

Эта война
Была без побед.
Разве победа —
Первым сказать *нет*?

Звучало *нет*
Как трудное *да*,
Но было бы *да*
Как неправ-
да.

Правда, влекло:
Вдвоем, кружась,
Держась и рушась.
Но под желанием:
Дрожа, прижав уши —
Ужас.

* * *

Самую тайную нервную нить
Задели блуждающие ржавые сверла,
И этим объясняется нежелание жить,
Застрявшее как раковый комок в горле.

Законы жизни, гласящие: «пройдет» —
Верны, но если проходит долго,
Становятся руки и губы как лед
У того, кто держится
На уколах долга.

Жестокость от жестокости — как сын от отца,
Добро от добра, как клетка от клетки,
Но горе тем, у кого сердца
Расщеплены в грудной клетке.

Так человек насильем обвит,
Что не для жизни заповеди Христовы:
Заповеди Христовы — для любви,
Для любви — заповеди Христовы.

* * *

Где ты был, мой дух,
Когда я, как древняя бездушная амеба,
Силился разделиться пополам,
Выбирая два из двух?
Раздвоилось ядро! Всё могло бы
Раздвоиться на *здесь* и *там*,
Если бы не телесная оболочка.
Ты покинул меня.
Ты наблюдал,
Выдержит ли звено цепочки.
Ты стоял в стороне до последнего дня!
И не говори, что это — твое:
Любовь к человеку или свободе.
Любовь вещественна как чистое белье
И бездуховна как силы природы.

* * *

Оркестр,
Фейерверка треск!
Праздник утрат.
Парад потерь.
Падает в память
За каратом карат.
Что теперь?
Потеря потерь?
Утрата утрат?
Алмазы растают
Как град? . .

* * *

Почему, видя во всем противоположности
И зная, что провода изолированы не зря,
Я позволяю, чтобы через мою душу
Пробил обугливающий разряд?

Почему я, подставляющий сердце
Опорой под узкое коромысло весов,
Соглашаюсь, чтобы давили обе чаши,
Да еще злорадное тиканье часов?

Почему, претендуя на памятник-маятник,
Качаясь от ветки к ветке на гамаке,
Я изо всех сил хватаюсь за ветки,
Чтобы по ветке было в каждой руке?

Почему, если я направляюсь к цели
И добиваюсь невозможного раздвигания гор,
Я отхожу в сторону, ни говоря ни слова,
Когда обстоятельства из-за меня начинают спор?

Почему, так страдая от законов сохранения
И расплачиваясь за все и еще прибавляя на чай,
Я всегда хочу сохранить то, что было,
И хочу снова начать?

* * *

Я живу,
Подчиняясь движению соков
И циклам,
Мечтая о глубоком,
Удивляясь, что к тонкому и тайному
Душа еще не привыкла,
Падая на землю искрой
Отгоревшего фейерверка,
Остывая к зову риска,
Но снова испытываясь
И не выдерживая проверки.
Я живу,
Радуюсь осеннему холоду
И разминаясь в бесконечном замесе,
Сбраживая душевный солод
В пустынных парках
И воспоминаниях о горах и лесе.
Я живу,
Вспоминая любимое тело
И руки той, кто была нежна,
Тело, что от души моей отлетело,
Как душа от тела самоубийцы,
И когда оно прилетает,
Чтобы в окна биться,
Гордость мне уже не нужна.

* * *

Призывая конец, я не знал,
Что конец — это не всё,
Что конец — один из гонцов
Конца Концов,
А его несметную конницу
Кует множество кузнецов.

Харьков, 1977-9

СТИХИ ОТКАЗА

Издадека, издадека
Течет кровавая река,
И мы по берегу бредем
Несостоявшимся ручьем.

Издадека, издадека
Течет трусливая река,
И наш ручей перед прутом
Становится гнилым прудом.

Издадека, издадека
Течет печальная река,
И грусть из наших древних глаз
Течет как из разбитых ваз.

Как из разбитых ваз течет . . .
Они воистину разбиты,
И мы, разбитые без битвы,
Ведем разбитым вазам счет.

На свой обтрепанный рукав
Смотрю и вижу: как красиво!
Рукав кудряв.

Я на обшарпанной стене
Читаю призрачную карту:
Египет, Вавилон, Урарту . . .

Все, что давно и далеко,
Меня пока еще спасает.

Но локоть мой меня кусает.

Поглаживаю словно мех
Корявую чужую зависть.
Дразнить гусей — мой старый грех.

Где друг, а где приятный враг —
Взял и таблички переставил.
Но Бог — он никогда не дьявол.

Что с рукавом и со стеной —
Разрыв какой-то оболочки
Над застарелой новизной,
Над зеленью из бурой почки.

Мне предназначен фараон
Для голода и жажды,
И я, хвостатый эмбрион,
Теряю хвост и жабры.

Душа стыдливей ста мимоз
Уже тверда как камень.
Я прохожу метаморфоз
Потомков Авраама.

Окаменеть! Чтоб улететь
Как из пращи Давида.
Пускай пращей послужит плеть
Владельца пирамиды.

Мы прошлому вернем наш страх
Протяжным трубным стоном,
И прошлое падет во прах
Вторым Иерихоном.

Рабы рабов

Рабами мы были в Египте,
А здесь мы рабы рабов.
Бегите, бегите, бегите
От этих двойных оков.

Рабами мы были в Египте.
Пока еще бархатна плеть,
Сожгите, сожгите, сожгите
Мосты, чтоб самим не сгореть.

Рабами мы были в Египте,
А здесь нас не будет совсем.
Не лгите, не лгите, не лгите
Словами «Я жив пока ем.»

Рабами мы были в Египте.
А здесь мы рабами умрем.
Богатые духом, бегите,
И те, кто богаты рублем.

Рабами мы были в Египте.
Но рабство меняя на плен,
Свободно цепями гремите,
Поднявшись с натертых колен.

Веет судьбами народов,
Пахнет судьбами земли . . .
Мы давно уже за гробом
Суеты сует прошли.

Тянет крупным поворотом,
Трупным запахом сквозит . . .
Миллионы тряским роком
Сеются сквозь сотни сит.

Наше будущее туго
Натянули, чтоб отсечь.
Наше прошлое в испуге
Упорхнуло с наших плеч.

Жертвы мы. Постыдный жребий,
Если мы живем в петле,
Если души не на небе,
Если кости не в земле.

Жертвы мы. Велик и стыден
Этот жребий. Жертвы мы,
Но живые. Стыд наш виден
Мертвецам из вечной тьмы.

Наши тела — зола.
Пламя спички — талант.
Дым — наши дела.
Но души — это десант
В тылу дьявола.

Может быть, до зари
Не доживем никогда.
Судьбы — как пузыри
Лопаются без следа.
У дьявола — все козыри.

Но если где-то гранят
Таких, что прыгают в ад
С душами вместо гранат,
Значит эта война
Не проиграна.

Еврейскому кочегару

Котел — всего лишь самовар,
А топка — та же печка.
Держись, еврейский кочегар
За теплое местечко.

Зачем, еврейский кочегар,
Даешь ты столько газа?
Куда спешишь? Не на пожар
Плывет корабль отказа.

Стоит недвижно на мели
Невидимое гетто,
Снега трех зим над ним мели
И жгли его три лета.

Смотри в глазок с надеждой: в нем
Как будто апельсины
Горят оранжевым огнем
Далекой Палестины.

Смотри в глазок с тревогой: там
Горит огонь, который
Позволит сделать палачам
Из топки крематорий.

Уроки палачи учли,
И в нынешние зимы
Горят надежды без золы,
А прошлое без дыма.

Посматривай, еврей, в глазок
На пляшущее пламя.
Нам всем еще один урок
Преподали палачами.

Ко сну сплавляюсь на плоту дивана
В обшарпанной родительской квартире,
Которая всего лишь полустанок
На полпути в побеге из Сибири.

Нам говорят: «Давно ушел ваш поезд,
Вы — дерево, что вырвано с корнями,
Но если вы поклонитесь нам в пояс,
Укореним опять в родимой яме.»

Уже три года сохнут эти корни,
Но почему-то я еще не умер
И влеживаюсь в жизнь еще упорней
И пью ее уксуснокислый юмор.

Я, обожавший новизну и разность,
Гляжу с застывшей гипсовой улыбкой
В стоячую протухшую отказность
И поджидаю золотую рыбку.

Сверкает одинокая чешуйка,
Как инструмент в руках гипнотизера:
Во сне меня несет живая струйка
Из заводи бессилья и позора.

Подъем

От звонка разлетаются сны мои с криком как птицы,
По которым стреляют, сгоняя с осенних ветвей:
На земле остается до вечера биться
Новый день — единица из сотен подстреленных дней.
Сам себе я накликал древесно-стоячую участь:
Я покрылся корой и застыл. Я остался без ног.
Я остался без сердца, чтоб смог я не мучась
Пережить этот срок и сбродить пересыщенный сок.
Но и это был сон. . . Я проснулся и встал человеком.
Мертвый день оживет если станет листочком стихов.
Заменить меня в мире и в камере нечем и некем.
Я не дерево. Я человек. Я готов.

* * *

Камера похожа на вагон,
Что стоит в забытом тупике.
Пища, ожидание и сон.
Остальное где-то вдалеке.

Я не сплю. Я думаю под храп
Тех, кто на вагонных полках спят,
Думаю о том, что я не раб
Меж рабами с головы до пят.

Мало здесь таких, чей сон как стон,
Думы их — как рыбы на песке
В той стране похожей на вагон,
Что стоит в забытом тупике.

1983, Харьков

Голодовка

Это мой довод,
Мой адвокат,
Если нельзя
Взять автомат.

Тело мое,
Гори как свеча
И освещай
Лицо палача.

* * *

Как бык мычал я: «Мыыы!»
А «мы» как не бывало,
«Мы» смылось и слиняло,
И я плююсь.

Я распинался: «мы!»
А «мы» как будто сплыло,
«Мы» сгнуло и сгнило,
И я плююсь.

Здесь всяк себе Иисус,
И зеркала—иконы,
Которым бьют поклоны.
И я плююсь!

Намыкался я с «мы»,
Как нажевался мыла...
И я уже вполсилы
Плююсь.

* * *

Я собрал все прошедшие годы
И просыпал их горстью зерна
И мне возвращает всходы
Тюремная тишина.

Трава былого взошла вся сразу
В моей остриженной голове
И я выдыхаю отраву отказа
И хожу по траве.

Только сейчас видна вся дорога,
Только сейчас не вижу стены.
Я вижу как первый подарок Бога
Глаза жены.

Я ушел, перебоавшись,
Как переобувшись . . .
Пролетели числа между
Мною и минувшим.

Годы, месяцы, недели —
Пролетели числа.
Я учился ненавидеть,
Но не научился.

Я учился ожиданью
И науке веры,
Но не верю, как и прежде,
В храмы из фанеры.

Верить в разум, верить в Бога —
Что одно и то же . . .
Но всегда сначала вера,
А свобода — позже.

Жалоба смерти

— Опять зазубрины на моей косе
От стекла, проводов и хромированных трубок.
Легче скосить молодого во всей красе,
Чем перепиливать жизни живых трупов.

А что я имею за этот труд,
Кроме лести: «Беспощадная, скорая?»
Когда же в России сами начнут
Переворачивать страницы своей истории?

В окне бревенчатая бедность.
Столыпин катит на восток.
Редет желто-красно-медность
Кустов.

Не думал я, что снова въеду
В родную мачеху-Сибирь.
Воспоминанья: Счастье. Беды.
Любил.

Перехожу по кочкам камер
Болото жуткой новизны.
Так значит жертвенный мой камень —
Не сны.

Прислушиваюсь. Но звоночек
Предчувствий что-то замолчал.
Как жаль, что проезжаем ночью
Байкал.

Незавершенность жизни — тонкий
Незавершенный ломкий лед.
По льду одна душа ребенка
Пройдет.

Сердцу плохо. Сердце бьется
О запоры и решетки.
А душа моя смеется
Как от ласковой щекотки.

Я смеюсь: как это мало,
Как ничтожно, как убого
То, что так меня пугало
Перед выбором дороги.

Почему я так спокоен
Как от легкого наркоза?
Что же все это такое?
Неужели смех мой — поза?

Почему вдали все страхи,
Все разлуки, все потери?
Значит я не на словах лишь,
А и в самом деле верю?

Виктору Бурдюгу

С небывальыми снегами
Как с предвестием — зима.
Что случится завтра с нами —
Недоступно для ума.

Как живая здесь продрогла
Даже жизнь что так мертва.
Мне до Хануки недолго,
А тебе до Рождества.

Лунный серп. Звезда упала.
Холод косит все как жнец.
Для тебя и смерть — начало,
Для меня она — конец.

Трубы крематориально
Валят в небо тучный дым.
Наша плоть материальна,
Дух — отнюдь, но уязвим.

Промерзают судьбы, души.
Стужа, ветер, мрак вокруг.
Опусти у шапки уши,
Говорю тебе как друг.

1984, Чита.